

1972

КОМУНИСТИЧЕСКАЯ
ПАРТИЯ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА.

ЦК КПСС

ГКЧП

Евгений Щепетнов

Евгений Владимирович Щепетнов

1972. ГКЧП

Серия «Михаил Карпов», книга 10

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68060171

Аннотация

В непростое время забросила судьба нашего современника Михаила Карпова. Ох, в непростое... И уже который год он убеждается в этом. Семидесятые, холодная война, нарастающий международный конфликт, неуверенность в дне завтрашнем. И лишь он, Карпов, знает о том, что ждет впереди.

Приезд президента Никсона в Советский Союз в семьдесят втором году должен был стать новым витком в выстраивании дружеских отношений между США и СССР. Но все пошло не по плану. Произошел теракт – мощный взрыв, в котором должны были погибнуть Никсон, Шелепин и Семичастный. Карпов успел среагировать лишь в последний момент и не допустил худшего. Страшно представить, к каким последствиям могла привести диверсия. Еще один этап холодной войны? Или полномасштабная третья мировая?

Худшее осталось позади. Но страна уже не будет прежней. Семичастный и Шелепин готовят «бомбу», которая должна взорваться на предстоящем съезде. Создание Государственного комитета по чрезвычайному положению неизбежно, а его

последствия будут необратимыми. В воздухе уже витает запах перемен. Но никто до конца не понимает, к чему они в итоге приведут. Даже сам Михаил Карпов...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	36
Глава 3	67
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Евгений Щепетнов

1972. ГКЧП

Глава 1

В середине августа дни очень жаркие. Ну да, абсолютная банальность, а я – полковник Очевидность. Полковник КГБ Очевидность. Лучше бы Никсон приехал в сентябре, когда прохлада, когда Москва уже забросана пачками желтых листьев, прибитых мелким, еще почти летним дождем. Тогда можно надеть легкую курточку вроде болоньевой ветровки, а под ветровку спрятать восемьсотграммовый «макаров».

Почему «макаров», а не какой-нибудь экзотичный забулгурный пистолет или револьвер? Да потому, что я уверен в надежности этого пистолета, и потому, что в ближнем бою он выполняет свою функцию просто великолепно. Тупоносые девятимиллиметровые пули имеют отличное останавливающее действие, и при этом риск ранить случайную жертву пролетевшей через тело злодея пулей вовсе даже минимален. Кто-то скажет, что это утопия – и это будет абсолютный дилетант. В моем мире, в моем времени уже давно идут разговоры о том, что необходимо перевооружить американскую полицию, перейти с «глока» на что-то подобное нашему «макарову». Не один случай, и не два, когда мощный

«глок» пробивал злодея навывлет и ранил человека, стоящего позади. Потому даже стали требовать специальной тактики стрельбы – снизу вверх, и даже от бедра. Так что... для полицейских операций нужен безопасный пистолет.

Почему я заговорил о пистолете? И о жарких днях? Да просто потому, что спрятать мне ствол некуда! И буду я рядом с Никсоном как голый! То есть – без оружия. Семичастный на эту тему мне сказал, чтобы я дурью не маялся, что вокруг будут люди из «девятки», что «Омега» не дремлет, что на крышах снайперы сидят. И вообще – никто не решится на такой самоубийственный поступок, как покушение на высших руководителей двух стран. Потому мне надо не чудить, не холить и лелеять свою паранойю, а нормально, модно одеться, чтобы не выглядеть рядом с президентом США деревенским увальнем из глухой Тверской деревушки.

Не знаю, чем ему Тверские деревушки не угодили, и мой вполне приличный наряд, только я категорически отказался надеть костюм пошитый индивидуально для меня (кстати сказать – сидел на мне как влитой), и надел обычные свои легкие смесовые брюки и светлую рубашку. И никакого оружия.

А потом был обед, или скорее ужин, на котором все говорили речи, в том числе и я. Как обычно, мне пришлось хорошенько постараться, толкая речугу – я не люблю скучных банальностей, я не люблю дежурных речей, канцелярских оборотов и съездовых нудностей. Если выступаю перед

людьми – им должно быть интересно так же, как если бы они читали мою книгу.

В общем – я лицом в грязь не ударил. Взбодрил народ нашенский и американский. Американцы прямо-таки прослезились. Как, впрочем, и наши. А может мне показалось: горчица на столе была ядреная, наши-то знали, а вот американцы, привыкшие к своей, сладкой, попались в ловушку и потом утирали слезы.

На следующий день в апартаментах американского президента произошло награждение меня, любимого. Долго ко мне ехала высшая награда США, но все-таки доехала. Вернее – одна из высших наград. У них, американов, для каждого рода деятельности своя высшая награда. Но есть еще и специальная, президентская Золотая медаль, она называется Золотая медаль свободы и приравнивается к Золотой медали Конгресса.

Тут ведь какая фишка – Медаль Конгресса вручает конгресс, в котором как известно куча всякого народишка, и этот народишко очень не любит «красных». А кто я такой? Русский, а значит – «красный». И какая мне медаль? Шиш, а не медаль! А вот Медаль Свободы вручает сам Президент, и это только в его компетенции. Он не спрашивает ни у кого разрешения, можно ли вручить эту награду. А между прочим, она полностью равна по своим так сказать плюшкам Медали Конгресса. Только вручается гражданским лицам, как сказано: *«За внесение существенного вклада в безопас-*

ность и защиту национальных интересов США, в поддержание мира во всём мире, а также в общественную и культурную жизнь США и мира». Кто скажет, что я не внес вклада в общественную и культурную жизнь США – пусть первый бросит в меня камень.

И вот еще что – разве сохранение жизни Президента США не является защитой национальных интересов США? Еще как является! Как и налаживание связей между двумя странами, которые не так давно едва не ввязались в ядерную войну – Карибский кризис. Смягчение отношений, разрядка – это ли не вклад в безопасность? Вот пусть меня расстреляют тухлыми огурцами, если я не признаюсь, что всегда подсознательно верил и верю, что Россия самая сильная в мире. И что случись какой-то апокалипсис вроде ядерной войны – мы все равно выживем. Ибо упрямые. Ибо привыкли выживать в любых условиях. Нам не надо теплых сортиров, без которых мы не смогли бы воевать, мы в Отечественной войне поднялись тогда, когда весь мир думал, что нам конец. И размешивая грязь дырявыми кирзачами, рванули на запад, да так, что этот самый мир ахнул и задергался – не дай бог пойдут дальше!

Кстати, частенько думал над этим, и нередко сожалел, что Сталин не отдал приказа, и наши армии не пошли по Европе. Вот тогда бы вся Евразия была советской! Иногда даже задумывался – а не написать ли альтернативку на эту тему? Что было бы, если бы наши войска – обстрелянные, умелые,

вооруженные современнойшим оружием того времени – пошли дальше? Они бы смели огненной метлой всех, кто посмел бы встать у них на дороге! В том числе и американцев, быстренько присоединившихся к дележке послевоенного пирога.

Красная Франция! Они ведь любители революций – вот вам и социализм. Ешьте, не обляпайтесь!

Красная Великобритания! Вот это просто мечта – «Англичанка гадит» – эта констатация факта актуальна и до конца двухтысячных годов. Она всегда гадит!

Я не любитель Сталина. Я вообще не склонен создавать себе кумиров – просто для этого слишком уж скептик и циник. Но надо отдать должное Отцу Наций – он пожалел русских солдат и не повел их на завоевание Евразии. Слишком многие бы тогда не вернулись из боя. Кстати, чем Сталин и отличается от Троцкого – тот не задумываясь кинул бы народы СССР в завоевательную войну. Все ради революции! Все ради светлого будущего! А на самом деле – для себя, любимого, для себя, красного диктатора. Нет, все-таки хорошо, что главой СССР стал Сталин, а не Троцкий. Одному – соиздание и благодарность потомков, другому – ледоруб. И это правильно.

Меня поставили посреди большой комнаты, толпа служащих президентского департамента выстроилась у стены, президент произнес небольшую речь, из которой явствовало, что я совсем молодец и мне бы надо три таких медали за мои

заслуги, а не одну. Но пока вот – одну. И... красивая медаль, правда. В центре голубой кружок с золотыми звездами, лучи звезды белые. Подложка красная, ну и само собой – на золотой основе-решетке. Я почему-то думал, что эту награду прикалывают на одежду, но оказалось – ее вешают на шею, на голубой ленте.

А еще подумалось, что буду выглядеть очень глупо – простецкая рубашка, простецкие штаны и на шее вот такое украшение. Красивое, кстати, украшение!

И как оказалось – у него есть и фрачный вариант, который прикалывается на костюм – в отдельной коробочке, которую мне тут же вручили. И еще – открытием стало, что степеней у этой награды две. Мне вручили самую высшую – «С отличием». В общем, почитай что аналог нашего «Героя». Хотя вот не хочу сравнивать – наш «Герой» выше всех, и все тут! Когда вижу человека с «Героем» на груди – хочется взять под козырек. Или поклониться. Это я про военного «Героя». Героя соцтруда иногда давали не тем людям, кому нужно было давать. Ну... мне так кажется.

Когда лента опускалась на мою шею, Никсон, лично вручавший награду, шепнул мне в ухо:

– Как там у вас, русских, говорят? Дай бог не последняя?

– Вообще-то это про рюмку водки – автоматически поправил я, слегка ошеломленный производимым действием. Ну не каждый день ведь тебе вручают высшую награду США! Да еще и сам Президент!

– Насчет водки – это поправимо – усмехнулся Никсон – Хотя я знаю, что ты не любитель выпивки. Но шампанского все равно выпить придется. Однако, вначале ты должен произнести речь.

Опять речь! Да что за черт, а?! Меня уже тошнит от речей. Ведь я не могу толкать всякие банальности, мне надо что-то новое ляпнуть!

– Ну что я могу сказать... – начал я, оглядывая лица людей, набившихся в большую комнату. Их здесь было не менее полусотни.

– Что сказать – продолжил, пытаясь уцепить мысль за хвост – Это неожиданная и очень лестная для меня награда. На мой взгляд – я ее не заслуживаю. Но если президент решил – так тому и быть. Надеюсь, я отработаю этот аванс. Спасибо!

Ну не сказал бы, что совсем так уж свежо, но и не банально! Опять же – мне так кажется. Мне вообще часто «кажется». Я редко уверен в том, что всегда прав. Видимо, это один из признаков паранойи, развившейся и расцветшей буйным цветом в моей бурной, слишком бурной жизни.

Ну что же – зрители захлопали, а президент Никсон пожал мне руку, многозначительно глядя в глаза. Мол – отработаешь, точно! Выпью из тебя кровь! И ведь выпьет, если потребуется. В политике не до сантиментов. Вот только помочь я теперь едва ли смогу. Мои знания о будущем растаяли в вихре перемен, которые я же инициировал. События

идут совсем по-другому, вся история теперь не будет прежней. Те, кто родился в эти годы – могут теперь и не родиться. А те, кто умер – могут и не умереть. Новые судьбы, новые люди. Весь мир стал совсем другим. Моя роль в нем резко уменьшилась. Или опять же – мне только так кажется? Ведь агентом влияния я быть не перестал!

Выпили шампанского с бутербродами с черной икрой, предоставленными принимающей стороной. И кроме бутербродов было чем ещё поживиться. Кстати сказать, я даже удивился – почему на вручении медали не было представителей СССР. Не удержался, задал этот вопрос Никсону. Тот совсем даже не удивился, и пояснил, что вручение медали есть акт сугубо личный, даже интимный, и касающийся только граждан США, и никого больше. Так что... не пригласили. Хотя шампанское и угощение гости попросили предоставить.

Впрочем – могли бы довольствоваться и теми запасами, что имелись в президентском самолете, а также в посольстве США в СССР, но сочли, что это будет невежливо по отношению к принимающей стороне.

Честно сказать, я слегка запутался в этих хитросплетениях и хитровывертах дипломатических отношений, так что плюнул на все и перестал делать попытки разобраться в мотивации той, или иной стороны. В конце концов, я никакой не дипломат, а обычный нормальный вояка, решающий проблемы с помощью грубой, очень грубой силы. И таким вот

солдафоном и останусь – прошу любить и жаловать.

Церемония происходила утром, в девять часов, а в два часа дня был назначен прием в Кремле, где должны пройти переговоры между Генеральным секретарем КПСС и Президентом США. Слава богу – меня туда не позвали, и потому вздохнув облегченно я отправился... нет, не домой. Домой меня никто не отпускал. В свой номер, конечно. Вместе с Ольгой – само собой, она присутствовала на церемонии вручения.

В номере я наконец снял с себя высшую награду США, на которую ошеломленно косились охранники, наводнившие коридоры здания, и положил медаль в коробочку из сандалового дерева, из которой она ранее и была извлечена президентом Никсоном. Все. Если я и надену эту награду в будущем, то скорее всего не в СССР. Нечего гусей дразнить – ну как это, советский человек получает награду из рук президента вражеской страны! За что? Не за продажу ли Родины? Оптом и в розницу...

Но я ошибся. Награду мне все-таки пришлось надеть, и совсем скоро – через пять дней, когда завершились переговоры и подписания договоров. По случаю окончания переговоров советское правительство закатило гигантский прием, на котором присутствовали лучшие люди страны – лауреаты премий, актеры, артисты и другие приглашенные лица. Ну и само собой – журналисты всех стран мира. Перед приемом – пресс-конференция. И вот я на ней.

«Душераздирающее зрелище!» – как сказал один киношный персонаж. Ну только представить – здоровенный ребенок с треугольной спиной, обтянутой черной тканью смокинга, белоснежная рубашка, лаковые полуботинки, и... «бабочка»! Да, да, галстук-«бабочка»! Тоже черный. А поверх смокинга, на груди – Орден Ленина, золотая звезда Героя, значок лауреата Ленинской премии, и... как вишенка на торте... фрачная версия Медали свободы. Сказать, что на меня все косились – это ничего не сказать.

«На выставке Ван Гога я – главный экспонат!» Глав правительств «щелкали» на фото потому, что так положено. Меня же – от души. Чуть не передрались за лучшее место, когда я важно шествовал в составе делегации СССР, и потом, когда стоял со стороны Шелепина, пожимающего руку президенту Никсону.

А затем началась пресс-конференция. Никсон и Шелепин сидели на сцене, а журналисты из зала задавали им вопросы – все, как это делается за рубежом, и так, как это бывало в моем времени, в моем мире. Кстати – тоже дань новизне. До сих пор таких пресс-конференций на таком высшем уровне здесь не бывало. У меня даже возникло что-то вроде дежавю – сколько раз я в своем мире видел подобные пресс-конференции, и не счесть! Заменить Шелепина и Никсона на Трампа и Путина – вот тебе и будет нынешняя пресс-конференция.

Начал ее Никсон. Он поблагодарил принимающую сторо-

ну за радушный прием, пошутил, что надеется – не в последний раз видит Кремль изнутри. Доживет до следующего визита, хотя есть куча людей, которые до сих пор мечтают о его безвременной кончине. Чем вызвал ухмылки и хохот в зале. Шелепин же остался невозмутим, и в ответном слове заверил, что в СССР его другу Ричарду ничего не грозит, и если понадобится – на его защиту встанет вся мощь Советского Союза. Тут они оба заулыбались, а Никсон даже привстал и хлопнул Шелепина по плечу.

Вообще, Никсон был довольно-таки прост в обращении, эдакий селянин-реднек. Тенденция такая, что ли... многие из американских президентов отличались селянской простотой – до абсолютной глупости. Один из них даже спутал Австрию с Австралией. Возможно, что американскому народу именно такие президенты и нравятся – не слишком умные, плоть от плоти этого самого народа.

Я думал на этом – как при таких необразованных, неразвитых, даже можно сказать тупых президентах США до сих пор живы? И после размышлений сделал вывод – а от президента не очень-то что-то и зависит. Политику делает не президент, а его окружение. И Конгресс. Вот стал президентом Трамп, и что? Да они его обложили, как волка флажками! Туда пойдешь – смерть. Сюда пойдешь – и тут смерть. Номинальная фигура, дожидаящаяся конца срока. Ну да, Трамп пытается что-то делать, дергается, но все его усилия идут прахом, ибо рулит демократическое лобби, главный разжи-

гатель войн и революций по всему миру. И они не дадут Трампу сделать ничего позитивного. Только вперед – к войне, к конфронтации, к хаосу и огню.

Никсон – наверное последний из президентов, которые управляли страной сами, которые принимали решения, противоречащие воле демократического лобби. За то едва и не огреб по-полной. И кстати – еще не факт, что вся эта история с покушением на президента США уже закончилась. Приедет домой, выйдет на улицу... и будет его Пэт ловить верхушку черепа мужа, как жена Кеннеди. Все может быть. Бурление в выгребной яме, именуемой власть США, все еще продолжается. Верно сказал Шелепин – у нас Никсону безопаснее, чем у себя дома.

Дальше продолжал выступать Шелепин. Он рассказал, какие договоры были подписаны, что от них ждать, ну и все в этом духе. И самое главное – рассказал про договор о дружбе и сотрудничестве с США, из которого следовало, что мы теперь и в космос вместе полетим, и наукой займемся, и совместные предприятия создадим – что было совершенно невозможно в моем мире в этом самом году. И завершил Шелепин выступление заявлением о том, что холодная война закончена. Навсегда. Мы с США теперь шагаем в будущее вместе, рука об руку, как хорошие друзья.

Шелепин и Никсон встали, долго пожимали друг другу руки, позируя перед телекамерами и фотоаппаратами, и фото вспышки залили их всполохами грозových молний. Даа... на-

делал я делов! Ведь фактически это моих рук дело! В моем прошлом такого договора и близко не было!

Дальше начались вопросы. И первый задал журналист газеты «Правда» (фамилию не помню, а бейджика, как принято в будущем, у него нет.

– Скажите пожалуйста, товарищ Шелепин, не получится ли так, что мы будем выполнять договоры, а вот США подождут? Как мы их проконтролируем? А они – нас.

Шелепин начал рассказывать о том, какие будут созданы комиссии, а я вдруг подумал о том, что если как следует подать эту новость нашему не очень «прошаренному» народу, то видится натуральная государственная измена. Как так – допустить американцев к ядерному оружию?! Пустить их в святая святых – ядерные хранилища! Хорошо, что советские средства массовой информации под жесточайшим контролем, иначе бы...

Дальше посыпались вопросы о конкретике договоров, на что было сказано, что все договоры будут опубликованы в газете «Правда», так что незачем сейчас тратить на это время. Вкратце – тяжелые ядерные ракеты будут порезаны на металлолом, частично, конечно, ну и запрет на размещение в космосе подобных ракет и другого тяжелого вооружения. Много чего назаклучали. Уверен, были еще и секретные дополнения к договорам, уж не знаю, как они правильно называются – протоколы, что ли... Будь я на месте Шелепина – первым делом договорился бы с США о разделе сферы вли-

ания. Внес бы это секретным протоколом в договор о дружбе и сотрудничестве. Мы влияем на страны Варшавский блока, на Ближний восток (частично), на часть Африки, часть Южной Америки. США наложит свою лапу на Европу (без наших стран), Австралию, часть Африки, Южной Америки... ну и так далее. Север и Антарктида общие. Скорее все это Шелепин и сделал – или я его не знаю. Уж на то пошло – я лично внедрял в головы Генсека и Семичастного эту самую мысль о том, что надо договариваться с США и делить мир. Настолько надоел им своими напоминаниями, что Семичастный на меня даже рявкнул: *«Не считай нас глупее себя! Хватит повторять одно и то же! Все уже решается!»*. Только тогда я от них отстал и не напоминал при каждой новой встрече.

Кстати сказать – то же самое... примерно то же самое я говорил и Никсону: *«Хватит конфронтации! Нужно поделить мир вместе с СССР и не допустить, чтобы поднялся Китай! В противном случае он задушит весь мир в своих мягких объятьях!»*. Никсон внимательно слушал. И вот – результат моих, можно сказать титанических усилий. Без ложной скромности скажу – если бы не я, такого договора точно бы не было. Никогда и ни за что! И теперь только что-то экстраординарное может заставить страны его разорвать. И буду надеяться, что такого никогда не случится. Кстати – договор *бессрочный!*

Вот для чего я оказался в этом мире. Вот для чего я под-

нимался на вершину известности, богатства, влиятельности. Ради нескольких листов бумаги, в которых теперь заключены судьбы мира на десятки, сотни лет вперед!

Ай, да я! Ай, да Михаил Карпов, писатель средней руки! Нет, все-таки я заслужил свои ордена. Вот сейчас они перестали давить мне на грудь тяжким грузом. Вот теперь я почувствовал, что поработал хорошо! Гложет вот только душу что-то... не знаю, что со мной. Все идет хорошо, просто замечательно. Может потому что *слишком* хорошо? Вот были бы какие-нибудь заковыки, что-нибудь бы не получалось – тогда я бы успокоился. А так... слишком уж гладко.

Хотя... только недавно ведь из больницы, чуть башку не снесли – ЭТО гладко? Если это гладко, тогда я не знаю, как с колдобинами. В общем – не знаю я что со мной. Тяжело на душе. Вроде и радуюсь, и понимаю, что все сделал верно, не ошибся, а сердце щемит. Как перед грозой, когда грозовой фронт толкает перед собой могучий инфразвук, воздействующий на психику человека и заставляющий впадать в тоску. После чего в ужасе люди прыгают за борт корабля, и гибнут, отдав свой разум безжалостной Вселенной.

Ладно, хватит! Выбросить из головы всю эту чушь и сосредоточиться на празднике. Ведь это на самом деле праздник! Две державы, которые вот только недавно собирались порвать друг другу глотки, обнимаются и обещают жить дружно, как и положено любящим братьям. И неважно, что на поясе у них висят клинки. Теперь эти клинки в ножнах и

рукояти мечей связаны с ними крепким шнуром. Не развязать – только рвать.

Потом был банкет. Огромный зал, где нашлось место нескольким сотням человек. Мы с Ольгой сидели на стороне Шелепина, почти напротив Никсона и первой леди. Ольга великолепна! Ей перед встречей принесли вечернее платье, и похоже что от кутюр. Я не разбираюсь в этой хрени, но похоже что Ольга в ней шарит на-раз, потому что она взвизгнула, когда увидела одежку и едва дождавшись, когда курьер покинет наш номер, стала напяливать на себя это произведение портняжного искусства. И для того ей пришлось раздеться практически догола – только узкие трусики типа стрингов, которые не выпирали из-под тонкой шелковой ткани. И которые, вместе с чулками, лежали в одной из коробок, принесенных этим самым курьером. Кей-джи-би ничего не упускает!

Алое платье обтягивало ее как вторая кожа. Разрез на длинном, до пола подоле бесстыдно открывал изящную ногу в черном чулке и шел едва не до пояса. Низкое декольте (даже на мой взгляд – слишком низкое!) обнажало тронутую загаром грудь и широкие лямки едва скрывали тугие полушария, норовившие вырваться на свободу.

Кто выбирал это платье – не знаю, интересно было бы поглядеть на этого человека. Честно сказать – я лично такое платье на официальный прием точно бы не... хмм... не выбрал. Имею в виду – для своей женщины. Впрочем – я еще

тот консерватор, бука, социопат, и вообще – толстокожий бегемот. Так сказала Ольга, и она права. Я ничего не понимаю в здешней моде, и только лишь могу сказать, что платье подходило Ольге так, будто для нее и было изготовлено. Красное брюнеткам вообще к лицу, а тут... тут совсем уж все в тему. И что значит «будто для нее изготовлено»? Скорее всего так и есть – без «будто». Знают... все размеры знают, до миллиметра. Такое ощущение, что нас постоянно просвечивают рентгеном. Мы их не видим, а они нас – да. Подозреваю, что в нашем номере кроме обычной прослушки и видеозаписи – еще и ночная видеозапись. Если ее уже изобрели, конечно.

Ольга уже привыкла заниматься сексом под пристальным вниманием спецслужб, а я до сих пор никак не могу сосредоточиться, вспоминая, что сейчас кто-то у магнитофона сидит с наушниками и вслушивается в наши стоны и чмоки. Помню старый криминальный боевик – там в комнату, где ведется подслушка беглого преступника, занимающегося сексом со своей подругой, заходит женщина, подполковник, начальник отдела уголовного розыска. А из микрофона несутся женские стоны, да такие мучительные, такие громкие. И подполковница ошеломленно спрашивает: «Что он с ней делает?! Душит, что ли?!» А лейтенант, едва сдерживаясь от хохота отвечает: «Он над ней глумится, товарищ полковник!». Вот и я с Ольгой – как подумаю о подслушке, так вспоминаю этот фильм. И не выдерживаю, глупо хихикаю. Ольга как-то сердито спросила – что это такое со мной, что я в самый

что ни на есть ответственный момент все порчу глупым «хихи». Я ей и рассказал. За что она меня потом ругала – хохоча и требуя забыть и больше не хихикать. Хорошо хоть у меня в квартире не подслушивают – так сказал Семичастный, а я ему верю. Про Кремль мы с ним ничего не говорили.

Итак, Ольга выглядела отпадно, как настоящая западная кинозвезда, я выглядел денди в своем дурацком смокинге, и как минимум половина журналистов фотографировала только нас, что нервировало меня, нелюбителя светских мероприятий.

Жена Никсона тоже была в вечернем платье, но конечно же не в таком, как у Ольги – гораздо проще. На вид. На самом деле оно тоже стоило огромных денег. Но Пэт уже немолода, тем более что первой леди, даже если ей можно было бы похвастаться крепким задом и твердыми грудями – хвастаться этими самыми частями тела не очень-то и пристало. А вот подруге и секретарю известного писателя-фантаста, богача – да сколько угодно. Писатели, они такие – вокруг них всегда вертятся сексуальные красотки. Особенно если у этого самого писателя сотни четыре миллионов долларов на счету.

Да, нищий писатель никому не нужен – кроме кота. Да и тому только для того, чтобы вовремя задавал корм. А когда не вовремя дает – можно его и укусить – чтобы не забывался и знал свое место, раб!

Интересно, зачем Ольгу одели в такой вызывающий наряд? Если не сказать – скандальный. Чья идея? Семичаст-

ного, или Шелепина? При случае спрошу их – небось не погнушаются ответить. Все-таки это моя сожительница, можно сказать – почти жена.

Хмм... жена? Почему-то никогда не представлял ее своей женой. Любовницей, подругой – да. Но женой... Вот Зину – представлял. Можно сказать даже считал ее гражданской женой. Ниночка? Наверное – да. Молодая, очень красивая, фигуристая – дети от нее должны быть такие же красивые. После того, как Зина меня «бортанула», Ниночка была у меня отдушиной, можно сказать последней любовью... пока не променяла меня на Элвиса Пресли. Интересно – они еще вместе, или им уже надоело кувыркаться? Элвис еще тот ходок – у него на оргиях бывало по несколько десятков девок всех калибров и расцветок. Зачем ему одна русская телка?

Да, во мне говорит досада и горечь. Раньше я бы никогда не назвал Ниночку телкой. А вот теперь – могу! Предательница... хотя бы сказала: «Я от тебя ухожу!» А вот так – тайно, ползать по Элвису как поганая вошь... не прощу!

Кстати, к Элвису претензий нет, хотя некогда я его едва не прибил на месте. Если бы не Ниночка, прикрывшая его своим обнаженным телом – точно бы ему не поздоровилось. И плевать мне на то, что он там якобы каратеист – я таких каратеистов на одном месте вертел! По одному и сразу оптом. Но не бить же бабу, пусть даже и оказавшуюся шлюхой? Женщин я могу бить и даже убивать только в одном случае – если они на меня напали, угрожая моей жизни и моему здоровью.

На меня, и на другого человека, который точно не заслужил смерти. Ну, к примеру: террористка захватила заложника и держит нож у его горла. Что я буду делать? Да конечно же разнесу ей башку выстрелом из винтовки.

Или та же террористка напала на меня с ножом – что мне делать? Убью не раздумывая. И не стану изображать из себя Зорро и Рембо в одном лице, не стану применять спецприемы и все такое. Я попросту одной рукой придержу ее на небольшом расстоянии, а с другой, от груди, изрешечу злодейку из пистолета. Как и положено на войне. Никаких сантиментов и скидок на гендер и возраст.

Каждый, кто взял в руки оружие и попытался убить другого человека должен быть готов к тому, что убьют именно его. Кстати – я встречал в своей жизни таких женщин, которые сто очков вперед дадут многим и многим мужчинам – и в рукопашке, и в практической стрельбе. Потому и воспринимать их нужно как бесполок существ, угрожающих твоей жизни и жизни твоего напарника.

Большая ошибка не воспринимать людей как потенциальную опасность только потому, что они женского пола – будущее это хорошо показало. Живые бомбы – первой начала Сана Мхейдли, взорвавшаяся вместе с израильскими солдатами в 1985 году. После нее смертницы пошли потоком...

Насколько я помню, израильтяне в конце концов научились бороться с такими смертниками. Они хоронили останки подорвавшихся, завернув их в свиную шкуру. Известно,

что если останки умершего соприкоснулись с плотью поганого животного – не видать ему рая на небесах. Не животному, нет – шахиду. И неважно – сам шахид трогал свинью, или с ней соприкоснулись его останки – в раю ему не бывать. А тогда зачем весь сыр-бор? Ведь на самом-то деле шахиды не так просто отправляются в мир иной, или на небеса – им предлагается некое вознаграждение: ты взрываешь себя и кучку неверных, а за это получишь вечную сладкую жизнь в раю. Мужчины – девственниц, усиленное питание и вечное здоровье. Женщины... не помню что именно – но тоже какой-то аналог. Может сотню девственников? Не интересовался этим вопросом, потому сказать точно не могу. Помню только, как в одной из сур говорится, что разделения на мужской и женский рай не существует. И что каждый из правоверных, будь он мужчина или женщина равны перед Аллахом, и получают все, что хотят. Равноправие!

Я всегда был и буду против терроризма, который угрожает жизням невинных людей. Еще могу понять, когда шахиды идут в гущу солдат и там подрываются – война, есть война – но когда они убивают невинных людей где-нибудь в метро, людей, которые им совсем ничего не сделали... я бы их лично на куски порезал, этих тварей.

Вообще-то это называется «цепочка ассоциаций». Начал я с ножки Ольги, высывающейся в разрезе шелкового платья, и закончил шахидами, завернутыми в свиные шкуры. Вот как так получилось? Наш мозг очень сложная и непред-

сказуемая штука... в такие дали иногда заводит меня мысль – сам дивуюсь!

А тем временем нас с Ольгой окружили журналисты, набросившиеся на нас после того, как Ольга попросила проводить ее «попудрить носик». Я осторожно, стараясь не привлекать внимания покинул свое место, и когда взяв Ольгу за локоток отправился туда, где предположительно находилась комната для пудрения носов – попал в самую что ни на есть настоящую засаду из акул пера. И эти своего не упустили.

Слава богу хоть Ольгу выпустили из кольца – после моего окрика и нахмуренных бровей. То ли радоваться этому обстоятельству, то ли печалиться – но журналюги почему-то меня боятся как огня. Неужели думают, что я начну на них бросаться и сворачивать носы на бок? Или рожа у меня такая зверская... Ольга говорит, что – нет, не зверская. Брутальная, да, но на злодея я точно не смахиваю. Глупенькая... настоящие злодеи как раз и выглядят ангельскими ягнятами. Нет у них на физиономии татуировки: «маньяк», нет на лицах печати вырождения и сатанинских рогов (хмм... за редким исключением). Люди, как люди, иногда даже очень милые на первый взгляд. Как тот же Чикатило, которому доверяли подростки. Или как тот гад из «Чергида», которого упокоил я лично. Ох... даже вспоминать не хочется. Слава богу, теперь все эти мрази никого не убьют.

Ольга быстренько удалилась, цокая семисантиметровыми каблуками, а я остался в кругу акул пера, ожидая самых что

ни на есть каверзных вопросов. И они последовали...

– Скажите, господин Карпофф... у вас на груди высшая награда США – за что вы ее получили? И как она сочетается со звездой героя? И почему вас в вашей стране не расстреляли за то, что вы работали на США?

И все вокруг замолчали, вперились в меня взглядами блестящих и от алкоголя и от возбуждения глаз. Интересный вопрос, ага... как так? Типа срезали, да? Эх, ребята... да я начал заниматься казуистикой раньше, чем образовались сперматозоиды, которые оплодотворили яйцеклетку вашей матери! Кого вы хотите поймать? За мной опыт ста лет советской власти! Десятки книг, в которых надо было что-то донести людям, но при этом особо не сболтнуть лишнего! Так что не вам со мной тягаться в словоблудии... ваши флажки я перепрыгиваю с демоническим смехом и радостным воем!

– Прекрасно сочетается. Потому что звезда, как и президентская медаль, дана за одно и то же – за укрепление мира во всем мире, за способствование установлению дружественных отношений между США и СССР. Хватит войн! Будем заниматься любовью, а не войной!

– Глядя на вашу подругу, точно сбежишь с войны и поволочишься за ее юбкой – с сарказмом и явной завистью заметил один из журналистов, начинающий лысеть молодой мужчина – Видимо она здесь именно для того, чтобы доказать вашу правоту.

– Ну... высказывание не мое, вы это знаете – ухмыльнул-

ся я, вдруг с удивлением поняв, что возможно именно поэтому Ольгу так и нарядили. Мол, русским не до войны, им любовь нужна! Может и глупо звучит, но... ведь посыл-то поняли. А высказывание мое принадлежало по одним источникам – Джону Леннону, по другим – некому социалисту по имени Гершон Легман. И произносили его обычно в отношении войны во Вьетнаме.

– Неважно, чье оно – кивнул и серьезно ответил журналист – главное, оно актуально. Вы ведь против Вьетнамской войны, господин Карпов?

– Конечно! – не задумываясь ответил я – Какого черта Штаты забыли во Вьетнаме? Зачем губят людей в войне, в которой заведомо нельзя выиграть? И своих людей, и вьетнамцев! Хорошо хоть президент Никсон это понимает и намерен прекратить поступление цинковых гробов в города и селения Штатов. Хватит войны! Больше любви!

– Но вы все-таки работали на США, так почему вас не тронули, господин Карпов? Советская власть вас обласкала, засыпала наградами. Почему? Вы работаете в Кей-Джи-Би?

– Конечно – легко согласился я – Генерал Кей-Джи-Би! А по мне не видно? Разве не видите, как из-под смокинга у меня вылезает генеральский мундир? (слушатели захохотали, когда журналист невольно посмотрел на мою штанину) У нас все писатели работают в Кей-Джи-Би! Я же вам сказал, сэр, я работал на укрепление мира между нашими народами! Моя власть оценила мои заслуги, посчитала их весомы-

ми – хотя я с этим не согласен. Мой вклад очень мал. В отличие от вклада наших руководителей, подписавших такие эпохальные договоры! Мы стоим на пороге великой эпохи, поймите! Если СССР и США объединят свои усилия в преобразовании мира – да кто сможет перед нами устоять! Хватит войны!

– Займемся любовью! – хором подхватили журналисты и захохотали. Тут как раз вернулась ослепительная Ольга, и журналисты переключились на нее.

– Госпожа Ольга, скажите, вы собираетесь выйти замуж за мистера Карпова? – выпалила худенькая девушка в очках с горящими глазами боевой феминистки – Или он эксплуатирует ваше тело, не собираясь вступать в брак?

Ольга покраснела, поджала губы, и похоже собралась выдать что-то резкое, а может даже послать нахалку подальше, но я перехватил инициативу:

– Я за нее отвечу. Эксплуататор. (мужчины заулыбались) Ольга свободный человек и делает то, что она хочет. Захочет уйти – может это сделать в любой момент. Если ее устраивает настоящее положение дел – значит... ей это надо. И вообще – наши личные отношения это наше личное дело. И отвечаю я вам только потому, что вы женщина – а я уважаю женщин.

– То есть вы признаете, что не собираетесь жениться на своей секретарше? – не унималась девка, и глаза ее хищно блеснули. Ага... тут где-то крючок спрятан! Да где... вот он! Пуританская Америка очень не любит, когда люди из выс-

ших кругов (а я точно уже принадлежу к высшим кругам, это точно) демонстративно отрицают семейные ценности. И я ведь живу с Ольгой во грехе! Можно такую компанию раздуть против меня... мне это встанет в копеечку.

– Во-первых, разве я сказал, что мы с Ольгой спим в одной постели? – медленно, глядя в глаза хищнице спросил я – это утверждаете вы. А что, миссис... или мисс? – вы стояли возле нашей постели и держали свечку когда мы занимались сексом? Рассмотрели в подробностях? Ну не краснейте, что вы... дело-то житейское. Все делают ЭТО. (смех в толпе журналистов) Во-вторых, кто вам сказал, что я на ней не женюсь когда-нибудь, если она этого захочет (боковое зрение у меня очень хорошее, чем всегда гордился, и радость Ольги, которую она не смогла скрыть, сразу бросилась мне в глаза). Никогда не говори – «никогда»! Как у нас говорят – «Человек предполагает, а бог располагает»! Так что нет придумывайте лишнего, мисс... или миссис? Вижу – мисс. Я за семейные ценности, за крепкую семью – где бы она не была, в СССР, или в Штатах. Пока я не готов к браку с кем-то либо, но... никогда не говори... что?

– Никогда! – выкрикнули несколько голосов сразу и я засмеялся:

– Точно, господа! Еще вопросы, раз уж вы добрались до моего тела и впились в него своими могучими челюстями?

Хохот, потом мужчина лет пятидесяти со строгой аккуратной прической на голове и темными, умными глазами вы-

ступил вперед и спросил:

– Скажите, господа Карпов... почему президент Никсон настоял, чтобы вы присутствовали в советской делегации? Какое отношение вы имеете к Генеральному секретарю Шелепину? И зачем вы нужны президенту Никсону?

– Сам удивляюсь! – сокрушенно всплеснул я руками – на кой черт я здесь нужен? Пить шампанское с икрой? Демонстрировать наряды своего секретаря? (Ольга снова зарделась) Я никакого отношения к подписанию договоров не имею! Это дело высших властителей, а не простого писателя-фантаста (на «простого» они захохотали). В общем – я тут скучаю и только мой секретарь Ольга своей красотой скрашивает мне скуку этого мероприятия. А что касается отношений с Шелепиным... да, я с ним ранее встречался. Я его советник по культуре – так что он изредка спрашивает моего мнения по некоторым вопросам культурной жизни СССР и всего мира. Ну а с господином президентом мы просто дружны – он любит спорт, и после моих побед над великим боксером он захотел узнать меня поближе. Мы пообщались и остались довольны друг другом. Зародилась дружба. Опять же – он иногда спрашивает моего мнения о некоторых вопросах в отношении менталитета советских людей. О наших обычаях, о наших традициях. Господин Никсон очень обстоятельный и разносторонне образованный человек, и получает информацию из различных источников, в том числе и от меня. Я ответил на ваш вопрос? Тогда разрешите откланяться,

господа! Дама устала стоять, а я должен приступить к своим непосредственным обязанностям – поеданию черной икры и выпиванию шампанского с устрицами. Должен же я как следует подготовиться к эксплуатации тела моего секретаря?

Так под смех толпы журналистов мы и прошествовали к нашим местам подле Великих мира сего.

– Что это было? – шепнула мне на ухо Ольга.

– Что именно? – так же шепотом ответил я, наклоняясь к ее уху.

– Потом поговорим! – многообещающим взглядом окинула она меня и уселась за стол.

Но все-таки мне интересно – на кой черт нас так вырядили? Оставив этот вопрос «на потом», я снова занялся благородным делом поедания всевозможных вкуснот. А их тут было немеряно. Одной только черной икры видов пять или шесть...

Нашего отсутствия или не заметили, или сделали вид, что не заметили (скорее всего). Разговор за столом продолжался – неспешный, вроде бы ни о чем, но... на таком уровне не бывает разговоров «ни о чем». И в таком месте.

Я особо не прислушивался – понял только, что речь шла о ближнем востоке, о Ливии, о Сирии и иже с ними. Терроризм, Израиль...

Когда Никсон что-то меня спросил, я плавал мыслями где-то далеко-далеко... рядом с моим Гарри. Пора заканчивать серию, хватит. Остался только эпилог. Врага победили,

весь мир в хлам – но можно отстроить. Осталось написать, что у Гарри и его боевой подруги Гермионы родились близнецы, девочка и мальчик, а у Рона Уизли и Полумны... вот тут я задумался – может им двух девчонок дать? Или лучше чтобы оба мальчишки? А прикольно было бы сделать так, чтобы родились тоже мальчик и девочка, и в будущем влюбились в близнецов Гарри и Гермионы! Вот была бы хохма! Когда они еще и не двойняшки, а настоящие близнецы, которых с первого взгляда в одинаковой одежде и не отличишь. Это была бы настоящая юмористическая интрига... для будущего продолжения серии. И серия про детей нынешних персонажей называлась бы...

И тут до меня дошло – Никсон обращается ко мне, и видя, что я не отвечаю, улыбается и стучит вилкой по бокалу с шампанским. Тут и Ольга подключилась, наступила мне на ногу и надо сказать – пребольно наступила! Туфли-то у меня мягкие, сшитые на заказ! А каблук семисантиметровый, им как стилетом убить можно.

– Простите, господин президент! – как можно радушнее откликнулся я, растягивая губы в улыбке. Мне сейчас хотелось врезать Ольге по обтянутой шелком заднице, да так, чтобы взвыла и остался синяк – нельзя же так втыкать свой острый каблук! Соображать ведь надо!

– Извините! – повторил я – Не расслышал вопроса. В голове вертится сюжет книги, обдумываю, вот и...

– Писатели – они такие... – еще шире улыбнулся Ник-

сон – Витают где-то в вышине, к нам, простым смертным, и спускаться не хотят! Ничего, Майкл, ничего... я хотел спросить твоего мнения – как провидца – какова судьба Израиля в недалеком будущем? Как считаешь, прекратится противостояние арабов и израильтян?

– Господин президент... – задумался я на секунду – Ну представьте, что на лужайку у Белого дома приехали какие-то люди и объявили, что теперь они тут живут, и их не интересует мнение американского народа – жить им тут, или нет. Вы бы такое терпели? Нет, конечно. Вы бы взяли их за воротник и выкинули туда, откуда они пришли. Войны на Ближнем востоке сами собой не прекратятся никогда. Их можно только задавить, заглушить. Вы, например – со стороны Израиля – не секрет, что без вашей, США, поддержки, Израиль существовать бы не смог. Сколько оружия вы им даете? Сколько денег дает еврейская диаспора в США? Но и без СССР войны тоже не прекратить. Мы имеем влияние на арабский мир – до определенной степени, конечно. Вы нажмете, мы нажмем – вот война и закончилась. Вот только кто вам даст это сделать? Оружейное лобби демократов сделает все, чтобы войны продолжались. Пока живы ваши демократы – войны будут всегда. Не мне вам говорить, как это все происходит. Оружие надо куда-то продавать. А зачем оно нужно, если нет войн?

– Я с тобой согласен, Майкл... – серьезно кивнул Никсон, а я про себя подумал, что выступил тут капитаном Очевид-

ность. Что, Никсон сам не знал ситуацию на Ближнем востоке? И тут же сообразил – это был посыл руководству СССР. Посредством разговора со мной Никсон дал понять руководству СССР, что готов выступить за прекращение ближневосточного конфликта – если СССР тоже внесет свою лепту в общее дело. Зачем ему нужно влезать в израильские дела? Да кто ж его знает... может кто-то попросил! Израиль, например. Или могущественная еврейская диаспора США. Гадать можно много, но удочка уже заброшена. Как наши на это отреагируют – я не знаю. Да и неинтересно.

Разговор властителей ушел куда-то в сторону от израильских дел – обсуждали экспорт и импорт пшеницы, а я досадливо про себя поморщился – сбили с мысли. Так что там насчет детей Уизли и Полумны? А Ольге я отомщу сегодня ночью. Как? А придумаю – как! Кама-сутру я помню досконально – еще в 90-е прочитал. Вот и пускай трудится, осваивает так сказать позы!

Глава 2

– Охх... – Ольга сбросила с себя простыню и села, опираясь на обе руки – Слушай... ты маньяк! И где ты этой... хмм... премудрости набрался?! Безумие какое-то...

Она посмотрела на меня сквозь длинные ресницы, и вдруг улыбнулась:

– А забавно было! Заводит, да. Как-нибудь повторим?

– Как-нибудь! – хмыкнул я, тоже садясь на край кровати – А я-то думал, ты взвоешь! Это тебе была месть за вчерашний каблучок!

– Я тебя еще сильнее буду пинать, если после каждого раза будет следовать такая ночь мести! – Ольга захохотала, и ее груди подпрыгивали в такт движениям. Потом она откинулась на спину и плюхнулась на кровать, ухватившись за меня руками и глядя снизу вверх глазами, в которых иногда проскальзывала эдакая косоглазость. Бывает у женщин – когда близко смотрят. А еще – у женщин-ведьм. У них время от времени проявляется раскосость.

– Ты женишься на мне? – вдруг серьезным, эдаким грудным голосом спросила Ольга.

– Не знаю... – после паузы ответил я – Правда, не знаю.

– А чем я тебе плоха? – так же серьезно спросила подруга – Я красива. Мое тело – как у спортсменки. Я в постели делаю все, что ты просишь, и что не просишь – тоже. И мне

это нравится. Я тебя люблю, и буду любить всегда, и никогда не предаю. И я хочу от тебя родить девочку.

– Почему девочку? – не думая спросил я, разглядывая темную прядку волос, прилипшую ко лбу Ольги.

– Так... хочу! – без паузы ответила Ольга – Сын уже есть, пусть будет еще девочка. Но я и сына тебе рожу, не беспокойся! Сколько хочешь детей, столько и рожу! Хоть целый батальон! Я крепкая, сильная... я смогу! Женись на мне, а? Миш... я без тебя не смогу жить! Моя жизнь только с тобой, и никак иначе! Ты не подумай – мне не деньги твои нужны, мне нужен ты! Можешь их хоть на благотворительность отдать! Мне безразлично! А вот ты не безразличен. Женишься?

– Я же сказал – не знаю! – с ноткой раздражения ответил я, вставая с постели и направляясь в душ. От меня пахло мускусом и потом, как от жеребца после случки. Отмываться – и в путь. Сегодня тяжелый день – последний день пребывания Никсона в СССР. Сегодня мы должны будем проехаться вместе с ним на Красную площадь, на рынок (он сам попросил), погулять по городу, в театр зайти, в музеи... Список большой, так что заранее предвкушаю, как будут гудеть ноги в конце дня, когда Никсон все-таки улетит.

Хмм... все-таки я засиделся на месте. Довольно-таки давно не тренируюсь, так что... Перед боями с Мохаммедом Али я себя так терзал тренировками, что у меня последний жир вытопился, сухой был, как палка. А теперь точно пару

кило набрал...

Не люблю я, когда на меня давят. Даже если это такой близкий мне человек. Моя женщина. Нельзя так резко подсекать мужика... он может и сорваться с крючка! Выпасть в реку и уплыть!

Впрочем – я сам виноват. Приучил ее к простым и откровенным отношениям. Говори что думаешь – и будь что будет. Отношениям между мной и ей. Это с чужими можно и нужно хитрить, умалчивать, говорить двусмысленно и осторожно. А наедине – кого стесняться? Это как в сексе – хочешь чего-то от партнера, так скажи ему откровенно чего хочешь! Иначе ведь ничего не получишь и будешь потом злиться и на партнера, и на себя! Ах, видите ли он сам должен догадаться, что тебе ТАК приятно? А вот недогадливый он! Мысли читать не умеет! И боится сделать тебе больно, шокировать тебя! Может тебе ЭТО неприятно!

Ну, вот и нарвался. Высказалась моя подруга вполне серьезно и откровенно. И я вообще-то ждал этого разговора, и не потому, что вчерашняя феминистка-журналистка послужила так сказать катализатором процесса. Нет. Оно все к тому шло. Если ты живешь с женщиной как с настоящей женой, относишься к ней, как к жене – так какого черта удивляешься, что она требует штампа в свой и в твой паспорт? Все отговорки вроде: «Нам ведь и так хорошо!» – выеденного яйца не стоят.

Может и правда жениться? Нет, ну а что делать? Жена в

другом мире? Так вполне вероятно, что мы там и не женаты. Запросто ведь. Я так изменил мир, что многие из тех, кто должен родиться – теперь не родятся. И наоборот – появятся другие люди, которых не было в моей истории. Все, все меняется! Покруче, чем после того, как некто в далеком прошлом раздавил бабочку.

Ну вот представить – я изменил будущее, и в результате некий парень вместо того, чтобы пойти учиться на инженера – пошел в морское училище. Отучился, и однажды заглянув в магазин – столкнулся с девушкой. Девушка эта всю жизнь (насколько я знаю) питала страсть к мужчинам в красивых морских мундирах. Нет, никакого разврата – просто таранилась на морских офицеров и мечтала о великой любви одного из них. К ней любви, конечно. А попался ей здоровенный, битый жизнью и пропахший порохом спецназовец...

Ну, так вот: встретила моя тогда еще не жена этого молодого лейтенанта, столкнулась с ним... и... ах! Покатались по полу мандарины, и загорелась великая любовь. Познакомились парень и девушка, и поженились. А спецназовец остался с носом. Простуженным, сопливым от лежания на сырой земле носом. А все потому, что он же, этот чертов спецназовец, в прошлом изменил течение истории, и в результате парень оказался не на заводе, а на эсминце. Или крейсере. Или... да какая разница где – главное что женат теперь с моей будущей женой.

Муторно от этой мысли... ведь тогда и дочка моя не ро-

дится. А может и родится – только не от меня. Не будет маленького домика на краю города, где мы так уютно отгородились от всего мира. Даже котов наших – и тех не будет. Или будут – но не наши. Не мои, это точно.

Почему тогда я помню свою жизнь – жену, дочку и то, что теперь не сбудется? Парадокс ведь! А нет никакого парадокса. Провидение не допускает парадоксов. Для него нет ничего невозможного. Оставило мне память – иначе как работать? Я самоподдерживающаяся, закапсулировавшаяся система, на которую трудно воздействовать извне. Только само Провидение может меня уничтожить – потому что знает, как это сделать. А я... я даже не смогу покончить самоубийством – при одной мысли об этом у меня леденеют руки и включается сирена: «Нельзя! Аларм!».

Да, были у меня такие дурацкие мысли – покончить со всем, если уж совсем все надоест. И я едва не задохнулся от тошноты и головной боли – как тогда, когда слишком близко подошел к portalу и была опасность свалиться в него и отправиться в свой мир.

Итак – я вне времени, вне истории. Эдакий Вечный Жид, который шагает по миру неприкаянный, и нет ему, не будет ему покоя.

Ладно. Допустим, жена моя законная – та, что осталась в будущем – уже не жена. А Зина? Зина как? Вот с ней у меня были мысли о женитьбе... Я ведь искренне был в нее влюблен. Или благодарен? Как отличить любовь от благодарно-

сти? Она вытащила меня из больницы, дала мне приют, дала свою любовь. И возможно, что я свое чувство благодарности принял за любовь? Хотел облагодетельствовать увядающую женщину? Дать ей последний шанс обрести любовь?

Сейчас, про прошествии времени, мне кажется, что все так и обстоит. Кстати – по-моему Зина это поняла. Она ведь умнейшая баба. И не просто баба – профессор, доктор наук! Психолог и психиатр. Я для нее – как открытая книга.

И вот еще что... иногда я задумывался – а не зря ли позволял Зине копаться у себя в мозгу? С ее-то методиками «промывания» мозга! Она походя, можно сказать легко устроила мне абсолютную память. А если при этом вложила в голову мысль о том, что я ее, Зину, люблю и просто-таки обожаю? Что хочу на ней жениться? Может потому она меня и отпихнула от себя. Не очень-то приятно осознавать, что твой муж на самом деле раб, которого ты «приворожила» совершенно бесстыдным образом. Без его к тому согласия. Мне вот лично, если бы я устроил такое безобразие – было бы мучительно стыдно видеть то, как моя женщина ластится ко мне, выказывая свою любовь, а любви-то и нет. Есть промывание мозгов самого высокого класса. На уровне профессора, доктора наук, психиатра.

Впрочем – возможно, что это опять моя паранойя. Напридумая – и сам в это верю. Но тогда подойду к делу с практической, приземленной точки зрения. Зина сейчас где? В будущем. В другом мире. И рассчитываю на то, что она там

исцелится от рака. Но исцелится ли? Это я тут закапсулированный Вечный Жид. А она? Может у нее ничего и не получится? Узнаю только через год. Вернее – уже поменьше чем через год. Если все нормально – Настя должна вернуться в свой мир, в 1973-й год. И вот тогда я все точно узнаю.

Кстати, тоже по воде вилами писано. А с какой стати она должна захотеть сюда вернуться? Красивая, молодая баба – да она в будущем тут же себе отхватит богатого мужика, и плевать ей на мир, где нет интернета, где нельзя просто так поехать за границу отдыхать, и где кондиционерами владеют полпроцента людей по всей великой стране. А то и того меньше.

Итак, что я имею? Две женщины, одна из которых некогда меня приворожила (наверное!), а теперь при смерти и неизвестно жива, или нет. Вторая – вроде как в меня влюблена, но... я в нее – нет. Хотя и были эдакие сексуальные позывы... нельзя удержаться от «пошлых» мыслей, когда видишь Настю – особенно если она в домашнем коротком халатике, или в шортах. Или в прозрачной ночнушке – она ведь у меня в квартире жила, так что насмотрелся *всякой* Насти. Только что спинку в душе ей не тер.

Ну и моя любимая, но теперь недостижимая жена, которая скорее всего уже мне и не жена. И никогда ей не будет.

Вот такой расклад – на одной чашке весов. И на другой – Ольга. Верная и любвеобильная. И готовая ради меня на все. Так какого черта я думаю? И правда что – пожениться,

да и дело с концом. Сделать ребенка, и не одного, и жить, поживать, добра наживать. Так все сказки заканчиваются.

Даже если Зина вернется молодой и здоровой – не будет у нас нормальной жизни. Ведь помню я, как она меня отбросила, выкинула из своей жизни. И паранойя не даст мне забыть того, как Зина ковырялась у меня в мозгах.

Да, кроме Ольги вариантов больше нет. Отправим Никсона, и сообщу ей радостное известие. Пусть будет сюрпризом. Куплю кольцо – здоровенное такое, с бриллиантом, тысяч за десять. Или за двадцать. И подарю, где-нибудь в ресторане, встав на одно колено.

Мда... что-то меня едва не затошнило от такого пафоса и банальщины. И вспомнилось, как один идиот дооригинальничался – чтобы сделать девушке предложение, он запек кольцо в пирожное и ей подал. Дурочка хватанула кусочек... в общем – пары передних зубов как не бывало. Скандал! Какая тут нахрен женитьба? С таким-то идиотом...

Итак, резюме: что, другого выхода нет, как жениться на Ольге? Похоже, что – да. На том и порешим. Ну не люблю я ее так, как свою... будущую? Бывшую? В общем – как свою единственную жену. Ну и что? Ольгиной любви хватит на нас обоих. Да и я уже не мальчик, чтобы влюбляться – как в омут головой.

Из душа вышел спокойный, как удав, заглотивший аллигатора. Хорошо, когда решение находится и оно по большому счету вполне приемлемо. Кто-то бы сказал – зачем вооб-

ще жениться? Можно ведь жить и без «ячейки общества». Но я с такой постановкой вопроса не согласен. Семья – это святое. Это место, где тебя всегда ждут, где тебе всегда рады, и где тебя никогда не предадут. По крайней мере – так было у меня. И потому потеря семьи для меня очень горька.

Я позвонил по телефону, пока Ольга плескалась в ванной комнате, и попросил принести нам завтрак. На что получил мягкий, но непреклонный ответ:

– Извините, вы завтракаете с президентом Никсоном и его женой. Они просили вас прибыть в их апартаменты к девяти часам вместе с... своим секретарем.

Мне показалось, или мужчина на том конце провода сделал паузу после «с»? Вроде как подбирал определение женщине, которая спит со мной в одной постели. Юмор такой? «Кровавая гэбня» шутит? Так и вижу, как этот мужик на той стороне саркастически улыбается.

Ладно-ладно! Завидууй! Небось твоя баба в постели лежит, как бревно, только сопит в две дырочки, вот ты и завидуешь этому урагану страстей! Интересно, насколько Ольга изображает оргазм, и насколько она и правда получает удовольствие от всех моих этих штучек. До встречи со мной девушка не была такой... хмм... развитой в вопросах секса! Интернета-то здесь нет! Но я над эти вопросом уже думаю... нет, не над сексом. Над созданием интернета.

Посмотрел на свои часы – опа! Осталось-то полчаса! Пошел к двери ванной, постучал:

– Оль... поторапливайся! Сказали – мы с Никсонами завтракаем! Через полчаса надо уже быть там!

Ольга ойкнула, вода перестала течь, и через несколько секунд дверь распахнулась и Ольга выскочила из ванной, как была – голышом,, вытирая полотенцем мокрые волосы.

– Они что, раньше сказать не могли! – голос ее был очень рассерженным. Видать вложила в него все разочарование от моего отказа жениться на ней, и вообще – настроение не очень хорошее.

Собралась за десять минут – основное время заняла сушка волос, благо что фен здесь имелся – непривычный для меня, здоровенный, хромированный, блестящий – и волосы у Ольги короткие. Иначе бы точно не успела.

Надела брючный костюм из бежевой ткани, под него блузку с кружевным стоячим воротником. Получилось очень достойно. Ну и накружилась – тоже много времени не заняло. На ноги – мягкие туфли на низком каблуке, практически кроссовки. Это и понятно – мы с Никсонами должны сегодня шастать по городу, на восьмисантиметровых каблуках особо не пошастаешь!

Ну а я как обычно – светлые штаны, мягкие туфли. Рубашку надел с длинными рукавами – на предплечье развешивал узкий обоюдоострый нож наподобие тех, что носят аквалангисты. Скорее всего он не понадобится, но... пусть будет. Пистолет взять не разрешили, а про нож никто ничего не говорил!

В задний карман бумажник с правами и небольшой суммой денег – мало ли... без документов в моем времени и в сортир ходить не рекомендуется. Здесь другое время, но рефлекс уже закреплён навечно. Все, я тоже готов.

И в дверь постучали. Точно в тот момент, когда я сказал, что готов. Или это Ольга сказала, что готова? Да какая разница... готовы, да и все тут.

Провожатый довёл нас до дверей на третьем этаже, стражи в коридоре (и наши, и из службы президента) даже не сделали попытки нас остановить и что-то там проверить. Документы, например. Похоже, что нас прекрасно все знали и было четкое указание пропускать, не создавая помех. Ну что же... это радует. Каждый раз доставать бумажник не хочется. Опять же – немного опасался, что начнут обыскивать и обнаружат нож у меня на предплечье. Как отреагируют в этом случае – я не знаю. Скорее всего, ничего неприятного не будет – попросят снять и передать им для ответственного хранения. По-моему даже идиот не предположит, что мы идем на завтрак к президенту, чтобы его улюлюкать. Хотя... идиоты всякие бывают.

Провожатый постучал, вошел, и тут же вышел, оставив дверь открытой.

– Пожалуйста, товарищи! Вас ожидают!

Да, апартаменты президента покруче наших. Побольше, это точно. Да и побогаче – мебель антикварная, картин на стенах больше. Да это и понятно – кто он, а кто я. Вот стану

президентом США – и мне будут такие апартаменты предоставлять. Только зачем они нужны? Я не сторонник безумной роскоши а-ля олигарх Брынцалов – это он построил дом, в котором жить нормальному человеку не хочется. Эдакую золотую шкатулку, в которой ходить можно только в войлочных туфлях, чтобы не повредить драгоценный паркет. И ничего нельзя трогать. Мне достаточно добротной виллы на берегу моря, яхту, катер. Еще бы неплохо небольшой вертолет... кстати, почему я не задумывался о том, что могу купить вертолет? А я ведь могу! Теперь – могу!

Ха ха... вот куда завела цепочка ассоциаций! До вертолета и дальше, к личному самолету! А может и большую яхту, как у шейха? Тьфу, черт! Не о том я думаю!

Да, не о том. Думать надо – не опростоволоситься, когда стану завтракать с Никсонами. Ведь явно хочет мне что-то сказать, о чем-то поговорить. И это притом, что прекрасно знает – все разговоры здесь прослушиваются. И глупо было бы – если бы иначе.

Стол накрыт скромно (относительно скромно!) в эдаком русско-американском стиле. Бутерброды с сервелатом, окороком, красной и царской рыбой соседствуют с вазочками, где розовеет, краснеет и фиолетовеет (если можно так сказать) несколько сортов варенья. Свежеиспеченные булочки источают аппетитный запах пачева, и от этого запаха у меня вдруг потекли слюни – есть захотел. Ночка бурная была, да и организм мой постоянно требует питания, обмен веществ

у меня наверное в несколько раз быстрее чем у нормально-го человека. Иначе откуда эта скорость и сила? Ничего так просто не дается...

Никсон в рубашке с галстуком, в серых брюках и полубо-тинках, Пэт – в светлой юбке и светлой блузке со стоячим воротником. Оба элегантные и... одновременно какие-то до-машние. Может потому так кажется, что Ричард без пиджа-ка?

– Привет, Майкл! – широко улыбнулся президент – Ольга, привет!

– Привет Майкл! Привет, милочка! – Пэт как завзятая Ольгаина подружка коснулась ее щекой, типа поцеловала и повела за стол. А мы с Ричардом пошли к окну – он поманил меня, спросив – перенесу ли я дым из его трубки. Я заве-рил, что перенесу, и мы остановились возле открытого окна, глядящего на булыжную мостовую кремлевской территории. Никсон раскурил свою трубку и глубоко затянулся, глядя в даль, туда, где виднелись красные зубья кремлевской стены.

– Майкл! – нарушил он тишину – Скажи честно... ты ре-шил остаться в Союзе?

– Хмм... – от неожиданности я не нашелся что ответить, затем усмехнулся – Нет, Ричард, хотя Союз навсегда оста-нется моим домом, моей родиной. Я намерен жить и в США, и где-нибудь на Мальдивах. И в Англии, если что – там у ме-ня свой замок, который ушлые юристы выдрали из лап бук-мекеров. А почему у тебя сложилось такое впечатление?

– Да вот как-то сложилось – туманно пояснил он – Мне кажется, что тебя не выпускают из Союза. Это не так? Подожди, не отвечай. Я вижу, что тебя наградили высшими наградами, дали хорошую квартиру – да, да, я знаю! Построили тебе дачу... дали Ленинскую премию. Сделали все, чтобы компенсировать тебе потерю свободы. Это так?

– Нет, не так! – не задумываясь ответил я, внутренне ухмыляясь. Вот сейчас у магнитофонов напряглись компетентные люди! Вот сейчас они конспектируют наш разговор! У них небось волосы встали дыбом от таких высказываний президента!

– Меня попросили помочь советами, а еще – помочь встретить тебя. Как только ты уедешь, я через некоторое время, короткое время, завершив свои дела, приеду в США. Мне нужно сняться в фильме по моей книге, нужно разобраться с моими финансами – честно сказать, я даже не знаю точно – какие у меня активы и какие пассивы.

– Ну тут секретов нет – усмехнулся президент – плюс-минус несколько десятков миллионов долларов, ты почти миллиардер. И состояние продолжает расти. Твой партнер Страус работает не покладая рук – по твоим сценариям. И фильм по твоей книге начал триумфальное шествие по планете – первая серия пошла в прокат уже вчера. Разве не слышал? Самая громкая премьера сезона! Газеты просто взорвались статьями! Предвкушаю посмотреть этот фильм по приезду домой.

– Вот как? – искренне удивился я – Уже в прокате? Впрочем – почему бы и нет... уже давно снимают.

– Уже отсняли три серии. Первая пошла в прокат. Как только снимут сливки – пойдет вторая. Ну а тебе – прибыль. Книжки печатают – как пирожки пекут. Одна из типографий только на тебя и работает. Страус бегаёт весь в мыле, как загнанная лошадь. Так что тебе лучше побыстрее вернуться... домой.

– Домой? – усмехнулся я.

– Да, домой. Ты американский гражданин, у тебя вилла на берегу океана, дом возле Нью-Йорка, бизнес. Штаты тебя ждут, гражданин США! Ты нужен стране!

– Зачем? Зачем я ей нужен? – насторожился я. Вот видимо и началось то, ради чего Никсон меня позвал на завтрак. Не ради совместного поглощения пищи, это точно.

– Ты гениальный предсказатель – просто и без обиняков сказал Никсон, повернувшись ко мне и посмотрев в глаза – Мне иногда нужны твои советы. И еще – я знаю, что ты не ударишь в спину. Я и жив сейчас только благодаря тебе. Если бы не твое предвидение...

Черт! Зачем он это болтает?! Знает ведь, что слушают! И какого черта тогда?! Как будто нарочно троллит моих кураторов! Не понимаю! Ей-ей не понимаю эти политиков-болтунов!

– Я ничего тебе такого не говорил! – перебил я Никсона довольно-таки резко – Только предупредил, что в твоём

окружении есть предатели. Вот и все. А остальное ты сделал сам. Моей заслуги в этом нет, не преувеличивай! Что касается предсказаний... понимаешь какое дело, Ричард... чем больше я предсказываю, тем больше мои предсказания имеют шанс не сбыться. Реальность меняется. И я уже не могу предсказывать. Потому... толка от меня будет тебе немного. Хотя я готов, да, готов помочь тебе чем могу!

Никсон улыбнулся уголками губ и вдруг прикоснулся пальцем к уху и подмигнул. Мол, я все понимаю! Слушают!

– Я могу попросить руководство твоей страны отпустить тебя со мной. Полетим в моем самолете. Ты, и твоя подруга. Если все так, как ты говоришь, и ты выполнил свою миссию в стране – так что тебе мешает полететь со мной? Ты свободный человек – вот и... вперед! Лети делать бизнес!

– Вы улетаете завтра утром? Хорошо. Позволь мне немного подумать – до завтра. Вечером, или завтра утром я дам тебе ответ.

Никсон медленно, после паузы кивнул, и выбив трубку в пепельницу, предложил:

– Позавтракаем? Сегодня будет тяжелый день – много ходьбы, много впечатлений. Нужно хорошенько подкрепиться.

– Позавтракаем... – эхом откликнулся я, и мы неспешно проследовали в гостиную комнату.

Первое место, в которое мы отправились – это была Красная площадь. Само собой туда – рядом ведь с Кремлем. Вышел из ворот, и вот она!

Ну... не вышли мы, а выехали, но какая разница? Потом все-таки пешком! Перед мавзолеем Ленина если и ездят машины, то только на параде.

Площадь полна народа – по одиночке, парами, семьями с детьми – люди улыбаются, машут! Сотрудники КГБ. Да, да – это сотрудники КГБ! ВСЯ ПЛОЩАДЬ ими заполнена! Откуда знаю? Да оттуда же – из своего мира. Знаю, что и как делалось во время визита Никсона в СССР. Перекрыли доступ на площадь простым гражданам, и по ней нормально прогуливались сотрудники КГБ в одиночку и с семьями. И сомневаюсь, что Семичастный с Шелепиным поступили иначе. Вернее уверен, что история повторилась. И это нормально. Я бы точно так же все сделал – рисковать нельзя.

Кстати – дурацкая идея поехать на рынок. Вот там – ты никак и ничего не оцепишь. Все, что можно сделать – это напихать своих людей во все возможные подозрительные места и расставить снайперов по всем крышам. И кто это все придумал? Зачем Никсону на рынок?

Но не мне выбирать маршрут американского президента. Меня ни о чем и не спрашивали – просто я сидел в лиму-

зин вместе с четой Никсонов (с Ольгой вместе, это уж само собой), и ехал до следующего места высадки, по дороге отвечая на вопросы президентской четы.

А они спрашивали обо всем. О людях, которых видели за окном. Об очереди к квасной бочке. Об автоматах с газированной водой, к которым тоже стояли небольшие очереди. О фонтане, в котором купались детишки, визжа и хохоча, как ненормальные. Я даже улыбнулся, вспомнив, как вот так же когда-то ползал в теплой воде фонтана возле института геологии и геофизики, а мама терпеливо ждала меня, держа в руках мою «матроску» с отложным воротничком. На душе стало грустно и светло...

Никсон не понял, почему я улыбаюсь, решил, что меня развеселили прыгающие в струях воды детишки и тоже улыбнулся, сказал, что в такую жару он и сам бы с удовольствием попрыгал рядом с этими детьми. Однако не может – мировая общественность не поймет его шагов, а оппозиция тут же упрячет в психушку, из которой он не выйдет никогда и ни за что.

Они с Пэт весело захохотали, мы с Ольгой их поддержали – я представил, как Никсон скачет в струях фонтана в галстук, в подтяжках, в блестящих ботинках, и это было бы правда смешное зрелище.

Наконец мы подъехали к рынку – Черемушкинскому рынку. Я не знаю, почему именно к Черемушкинскому. И в моей истории Никсона тянуло именно сюда. Здесь ему старуш-

ка, торгующая семечками, дала бесплатно пакетик семечек и сказала, что ее трое сыновей погибли на войне. И попросила: «Сделайте так, чтобы войн больше не было!».

Нет, эта старушка не была подставной. Известная история. Никсон тогда отменил поход в Большой театр, ходил с пакетиком семечек в руке и о чем-то думал. А потом напился до беспамятства. Не знаю, что там у него делалось в голове в тот момент, но уверен в одном – его зацепило. А раз зацепило – неплохой человек этот тридцать седьмой президент США. Не зря я его спас.

Так что есть наверное что-то такое в Черемушкинском рынке, раз тянет туда человека, способного повлиять не только на свою страну, но и на весь мир. В моем времени уже нет Черемушкинского рынка. Вернее он есть, само здание рынка, а вот рынка там нет. Вместо него – стрип-клуб. Или будет стрип-клуб. Новые владельцы рынка в 2018 году его еще перестраивали под клуб...

Вот здесь уже никак не заменить всех прохожих на сотрудников КГБ. При всем желании не получится. Конечно, можно часть из них внедрить в якобы службу продавцов – подручные мясников, торговцев овощами и так далее. Да и точно внедрили – вон один, неловко рубит тушу огромным мясным топором, достойным плахи палача. Но очень уж так неловко рубит... видно, что мясницкий топор взял в руки совсем уж недавно.

Или вон тот парень в слишком чистом халате, зачем-то

перекладывает овощи из одного ящика в другой. Медленно, по одной берет луковицы, и перекладывает... перекладывает... и усиленно не смотрит по сторонам. Очень уж занят делом, нет ему дела до делегации, которая зачем-то забрела на этот рынок. И Никсона он точно никогда не видел по телевизору, и вообще ему ничего не интересно, кроме поганого гнилого лука, попавшего в соседство к здоровым луковицам. Вот только глаз косит на сторону...

А вообще – не нравится мне здесь. Закрытое пространство, две выхода, которые легко перекрыть и устроить здесь бойню. Терпеть не могу такие помещения! Лучше бы на открытом воздухе. Хотя... не лучше. Конечно, тут нет ни Ор-сис-Т5000 с патронами 338 калибра Лапуа Магнум (у меня такая была), нет даже «сэвэдэшек» – они только-только пошли в армию. Но та же СВТ, прообраз СВД – метров на пятьсот-восемьсот завалит как нечего делать. Или трехлинейка Мосина с оптическим прицелом – они продаются и в двухтысячные годы. Лягается как лошадь, но оленя пробивает вдоль. Мощнейшая штука. И дешевая. И кстати – кто мешает тому же КГБ приобрести зарубежные снайперские винтовки?

Хмм... впрочем – какие у них сейчас снайперские винтовки? Только М21, убогая, хуже нашей СВТ и уж тем более СВД. Не появились еще мощные дальнобойные снайперские винтовки, не изобрели их. Может и есть какие-то частные модели, но мне о них неизвестно. Когда я изучал ору-

жие потенциального противника, запомнил, что НАТО использует в качестве снайперской винтовки именно M21 со снайперским прицелом, полуавтоматическую винтовку переделанную из базовой армейской M14, древней, как окаменевшее дерьмо мамонта. Только в середине восьмидесятых сделают более-менее приемлемую винтовку M24, опять же – производное от M21. Это в мое время выбор снайперских винтовок просто огромен, и мощность их выросла на порядки. Сейчас – обычный патрон 7.62, как у «мосинки», как у «калаша».

Обвел глазами балконы – вроде заметил снайперов, но не уверен, что это они. Может, просто наблюдатели? Ага... наблюдатели с СВД.

Опять – неприятное ощущение, будто кто-то опасный, ненавидящий, смотрит мне в спину. Целит мне в спину! Я снайпер, я чувствую это! Иначе просто не смог бы выжить. Уходить отсюда надо. Плохое место!

Я двигаюсь в сторону охраны Никсона (шел чуть позади Шелепина и Никсона, о чем-то оживленно беседующих), и вдруг замечаю, как из-за прилавка в проход вышла женщина, можно сказать девушка – бледная, с широко раскрытыми глазами. В руках у нее овощной ящик, и видимо довольно-таки тяжелый, потому что несет она его с трудом, едва переставляя ноги. Наперерез ей тут же пошел охранник Никсона – высоченный квадратный парень с армейской прической. До девушки довольно-таки далеко, но я теперь вижу как

в юности, а может и лучше. Симпатичная девица, лет двадцать от роду, не больше. Лицо тонкое, можно даже сказать – интеллигентное. На голове косынка. Эдакая комсомолка с плаката двухтысячных «под старину».

До девушки метров пятьдесят, охранник идет небыстро, посередине прохода между прилавками. Секунд через десять они встретятся... и тут я замечаю, что девушка ускорила шаг и почти что перешла на бег. И картинка сложилась.

Я с криком – «Ложись!» – бросился вперед, за отпущенные мне мгновения соображая, кого мне защищать – то ли своих, Шелепина с Семичастным, то ли Никсона, но первое, что сделал – сбил с ног Ольгу, которая естественно ничего не поняла. Как, впрочем, и все остальные.

Ольгу сбил подсечкой, она еще падала, вытаращив глаза и раскинув руки, а я уже несясь вперед, выжимая из своего организма все, на что он был способен. Время замедлилось – я видел, как охранник возле Никсона, шедший чуть позади и слева от него медленно обернулся на мой крик и бросок, и почему-то потянул из кобуры пистолет. Зачем он это делает – времени сообразить не было. По дороге срубаю Семичастного – такой же подсечкой, как и Ольгу, и огромным скачком прыгаю к двум самым могущественным лицам в двух самых могущественных странах мира. Они тоже начали оглядываться на крик, но мне было уже не до них. Охранник успел-таки выдернуть пистолет и первая пуля рванула рукав моей рубашки – я успел уйти с вектора выстрела. Вторая пу-

ля «двоечки» ушла вверх, в потолок. И я вырубил охранника классическим крюком справа. А потом прыгнул на президента с его женой и генерального секретаря, и всей своей стокилограммовой тушей сбил их с ног, впечатывая в грязный пол рынка.

И тогда бабахнуло. Так бабахнуло, что я на несколько секунд полностью потерял ориентацию в пространстве и перестал слышать.

Когда очнулся, сбросив с себя тошнотную одурь, первое, что ощутил – это запах. Запах сгоревшего тротила. Я знаю его, этот запах – едкий, вонючий.

А потом – запах крови и нечистот. И этот запах я хорошо знаю. Так пахнут разорванные на куски тела, смешанные с землей и кусками металла. Сладковатый такой запах, железистый и сортирный. Наши кишки так пахнут, если их вырвать из тела и расплющить о землю..

На мне, на лице что-то лежало, что-то не позволяющее смотреть, теплое и неприятно-скользкое. Я протянул руку, толкнул... ЭТО шлепнулось рядом со мной, оставив у меня на груди щупальца-кишки, свисающие из-под оголенных ребер. Половинка тела, вернее – грудина с остатками брюшных мышц, из-под которых и тянулись эти самые кишки. Судя по всему – мужчина.

И тут же в голове картинка – девушка с ящиком, охранник, который спешит ей навстречу. Наверное – это он, охранник. Вернее – его верхняя часть без головы и шеи.

Помотав головой, встаю на четвереньки, удивляясь, что не слышу совсем ничего – ни своего натужного дыхания, ни скрежета ботинок по засыпанному битым стеклом каменному полу. Да, пол весь блестит, будто кто-то нарочно старался украсить его новогодней мишурой. Во время взрыва вынесло все стекла купола, и часть их осыпалось назад ярким стеклянным дождем.

Теракт! Я все вспомнил! Это был теракт! Девушка до боли походила на террористку-смертницу из моего мира! Я почувал ее страх, ее самопожертвование, и я успел!

Успел?! Разве я успел?! Что с остальными?!

Пошатываясь – встаю и оглядываюсь по сторонам, в ушах все еще вата и я практически ничего не слышу. Только вижу, да и то плохо – не потому, что глаза отказали, просто в рынке сейчас стоит облако пыли пополам с едким дымом, черным таким, густым, заставляющим закашляться и выблевать наружу съеденное и выпитое.

Видно шагов на пять вокруг, не больше. Но пока что и этого мне хватает. И первое, что делаю – ищу Ольгу. Плевать на властителей, плевать на всех! Ольга где?!

Вижу. Вроде цела, если не считать кровоточащей царапины вдоль предплечья. Вид такой, будто кто-то взял гвоздь и процарапал ей вдоль руки. Ольга сидит, бессмысленно хлопает глазами, трясет головой. Молодец, девочка, уцелела! А остальное все приложится!

– Ты как? Как себя чувствуешь? – ору вроде во все гор-

ло, а себя не слышу. Так, какой-то писк вдальеке. Ольга непонимающе смотрит на меня, потом касается ушей кончиками окровавленных пальцев, и неуверенно мотает головой. Мол, не слышу! Я показываю на ее руку, обвожу вокруг тела ладонями и киваю на нее. Она понимает, досадливо морщится, касаясь длинной, запорошенной пылью раны и машет рукой – нормально! Буду жить! Я по губам догадываюсь, что она говорит, киваю.

Ладно, теперь попробовывать узнать, что там с моими боссами. Со всеми тремя. Шагаю вперед и тут же едва не наступаю на Семичастного, который лежит навзничь, затылком ко мне. Пиджак порван в нескольких местах и окровавлен. Трогаю шею – чувствую, как бьется пульс! Живой. Слава богу – живой. Старый грубиян мне нравится, есть в нем что-то настоящее, хотя ухо с ним надо держать остро – ради дела никого не пожалеет. Кроме своего друга Шелепина. Ко мне он относится дружески, можно сказать как к приятелю, но это ничего не значит. Я для него инструмент, средство для выполнения задачи. А задача у него одна: «Жила бы страна родная, и нету других забот!» – как в песне поется. И тут... надо будет – он и меня грохнет, если увидит, что я угрожаю существованию страны. За ним не заржавеет. Уверен, это он грохнул и Брежнева, и Андропова. Поставлю сотню против рубля – он.

Пока что оставляю его на месте. Кровью так уж сильно не истекает, так что пускай полежит. У меня тут два биг-босса

возможно что кончатся в эту минуту, не до Семичастного сейчас!

Одного биг-босса я нашел сидящим на полу и обнимающим рыдающую жену. Пэт была испачкана, слегка порезана осколками, но цела – как и ее муж. Когда я навис над ними, Никсон что-то мне сказал, подняв на меня взгляд, но я хлопнул по своим ушам, мокрым от крови, и пожал плечами:

– Не слышу! Оглух!

Видимо Никсон меня услышал, или тоже прочитал по губам, потому что кивнул и снова занялся женой, не обращая внимания на крупинки стекла, покрывающие его волосы и плечи.

Шелепин был легко ранен – пиджак на плече распорот, белая рубашка окровавлена. Я посмотрел рану, не обращая внимания на гримасы босса, и облегченно вздохнул – ерунда! Царапина! Я успел!

Шелепин вдруг показал на мою грудь, я опустил взгляд... черт! Рубашку рассекло, как мечом. На груди и животе – длинная глубокая царапина-рана. Меня как морозом обдало – значит снаряд из взрывного устройства прошел вдоль меня. Я хорошо помню, как бросился вперед, сбил Шелепина и Никсона с его женой, упал на них, и... взрыв. Вот тогда нечто из заряда и прошло между мной и Шелепиным – чуть ниже – не было бы Шелепина. Чуть выше... больно, наверное, когда нечто вроде шарика из подшипника пронизывает тебя насквозь – входя в шею и выходя из паха! Скорее всего

я все равно бы выжил, и даже поправился, но это заняло бы много времени. И кстати сказать, моя способность к регенерации не отключает боль от ран. Болит, и еще как болит!

Я снова помотал головой, потрогал уши, поморщился... почему же мне так досталось взрывной волной? Хмм... так я же был выше, чем те, кого сбил – считай, на их спинах лежал. Вот мне больше и досталось.

А вот тем, кто остался на ногах не повезло. Снаряды из взрывного устройства изрешетили их так, как если бы несчастных расстреляли из пулемета. Один из снарядов лежал рядом с охранником Шелепина, мужчиной лет сорока, его вроде как звали Володей. Охраннику снесло верх черепа вместе с мозгом, и ролик от подшипника лежал рядом с черепной коробкой. Видимо при ударе снаряд погасил скорость движения, изменил его направление и ударившись о каменный прилавок отлетел назад, к человеку, которого он убил.

Даже удивительно, как мы сумели уцелеть при такой интенсивности обстрела элементами бомбы. Понятно... они почти все прошли над нашими головами на уровне около метра над полом – это нас и спасло. Чуть бы ниже... Могу сделать только одно предположение – смертница несла ящик как раз на высоте примерно метр над полом. Бомба была начинена роликами и шариками по бокам от тротилового заряда, так что и полетели боевые элементы почти горизонтально над полом. Только некоторые по каким-то причинам изме-

нили траекторию движения и едва нас не прикончили. Почему изменили? Да кто их знает... что-то значит помешало. Например – те же доски ящика. Чуть-чуть подправили траекторию – и все, пишите письма из рая! Или из ада... это уж как получится.

Снова оглядываюсь по сторонам. За те минуты, что я занимался с выжившими, дым поднялся на достаточную высоту, чтобы можно было увидеть картину разрушений. А их хватало. Ближайшие к эпицентру взрыва прилавки раскололо ударной волной на куски и отбросило на несколько метров. Те, что были подальше – сдвинулись и треснули, завалившись назад. Те, что остались на месте – все в щербинах от попаданий начинки взрывного устройства.

Люди, везде люди – разорванные на части взрывной волной и снарядами, изрешеченные так, что трудно даже понять – мужчина это, или женщина.

Почему-то яркой картинкой высветилось – густая лужа чернеющей, уже застывающей крови, и в ней три апельсина – блестящие, яркие под лучами солнца, пробившимися через раскрытые взрывом окна на крыше рынка.

Я поднял голову... да, дым улетучился, ветер, ворвавшийся в лишенный стеклов купол будто нарочно выдул ядовитый дым, оберегая нас, уже слегка отравленных продуктами горения взрывчатки. В горле першило, подташнивало – то ли от контузии, то ли от проникшего в легкие ядовитого дыма, но в принципе чувствовал я себя вполне неплохо. Да, нача-

ла болеть рана, да, я практически ничего не слышал, да, в горле першит и тянет закашляться, но двигаюсь не хуже, чем до взрыва, контролирую свои действия и размышляю вполне спокойно, быстро и четко.

И первое, что приходит в голову – отсюда надо убираться, и быстрее. Куда? В аэропорт. Никсона надо увозить. Если его убьют – высока вероятность начала войны. И это будет последняя война в жизни человечества.

Потом буду думать – кто это сотворил и зачем, сейчас не до того. Хотя... и так ясно – кто. Те, кому очень не понравились преобразования в стране. Те, кто мечтает вернуть все на ортодоксальный путь. Те, кому не нравится сближение США и СССР, кому надо, чтобы эти страны постоянно были в состоянии холодной войны. «Ястребы» с той и с другой стороны. Не удивлюсь, если в заговоре участвуют и недобитки из ФБР.

В машины! Уезжать!

Шагаю к Семичастному, говорю ему, стараясь не кричать как глухой:

– Срочно президента в аэропорт! Дело пахнет керосином! Это только начало!

– Что это вообще было?! – Семичастный, похоже что до конца так и не соображает. Досталось ему крепко. Вон, еще и на виске рана, которую я не заметил. Похоже, что роликом приложило. Возможно череп подломало. Как он вообще еще на ногах держится, после такой-то контузии?! Крепкий му-

жик, ничего не скажешь.

– Это была террористка-смертница! – говорю-кричу я, и вдруг понимаю, что слышу Семичастного и себя! Слышу! Глухота отступает! Ну слава тебе господи... без слуха трудно будет отсюда выбраться.

– Вставайте! Все вставайте! – кричу я Никсону и остальным – Господин президент, нам нужно покинуть это место! В машину! Все – в машину! Ваш лимузин бронирован?

– Н-нет! – после некоторой задержки отвечает Никсон – Не бронирован.

– Тогда в нашу машину! Товарищ Семичастный, наша... ваша машина бронирована?

– Да... кроме крыши – после небольшой паузы отвечает Семичастный – Но зачем сразу в аэропорт? Сейчас мы разберемся! Уверен, сюда уже едут!

– Я тоже уверен – мрачно сообщаю я – Только вот КТО едет, это большой вопрос. В машину! Все – в машину! Потом разберемся!

Шелепин пытается что-то сказать, не трогаясь с места – то ли хочет оказать помощь раненым вокруг нас, то ли отдать какое-то распоряжение, но я тут же перебиваю, не до сантиментов и разногласий. Сейчас я командую, боевой офицер!

– Вперед, скорее! Вперед! – кричу я, и схватив Ольгу за руку толкаю ее к выходу. Она неуверенно шагает, потом ускоряется и уже почти бежит. Я дергаю с пола Никсона, потом его жену, и обняв их обеими руками толкаю вперед, кри-

чу, преодолевая муть, застывшую в их широко раскрытых глазах – Скорее, в машину! Надо уезжать! Скорее!

Шелепин и Семичастный уже не ждут команды, они оклемались гораздо быстрее своего зарубежного коллеги, и тоже ковыляют к выходу, неуверенно осматриваясь по сторонам, явно еще не до конца ориентируясь в ситуации, повинувшись моему приказу. Идут, потому что альтернативы нет – я вожак, они стадо. И я гоню свое стадо в безопасное место, туда, где их не смогут загрызть волки.

Мы уже были у самого выхода, когда послышались выстрелы – частные одиночные и короткие очереди.

– Стоять! Не двигаться! – завопил я, и вся моя тяжело дышащая группа не сразу, но послушно остановилась – Я первый выйду, осмотрюсь!

И бросился вперед.

Глава 3

Я чуть не погиб. Автоматная очередь врезалась в стену рядом с входом, и одна пуля рванула и так уже драную рубашку с левого бока. Спасло то, что стрелявший не учел, что при стрельбе длинными очередями АК уводит вверх и вправо. То есть получилось так, что первая пуля прошла справа на уровне паха, вторая уже слева, зацепив рубаху, все остальные (очередь патронов на десять) наискосок и выше.

Кто именно стрелял – я не понял, но сразу определил, что стрелок неопытный и «калаш» у него в руках бывает вовсе не часто. Это точно не спецназ, и точно не «профессиональный» автоматчик. Возможно – кто-то из гэбэшников, с какого-то хрена решивших палить по всему, что шевелится.

Я перекатился и залег за бордюром, ограждавшим лестницу, ведущую в рынок.

– Маугли! Какого хрена подставляешься?! – услышал я крик, и увидел парня с позывным Сокол, который сидел прижавшись к тумбе «Союзпачати» с пистолетом «Стечкин» в руках – Выходите с обратной стороны, тут мы их держим! Там машина Генерального!

– Кто это? – только и сумел спросить я.

– Да хрен их знает! Похоже, что наши! Не Омега – просто гэбэшники! Кричат что-то про предателей родины и палят, как угорелые! Положили одного нашего... гады! Он к ним

вышел, дурак. Мы человек двадцать за него! Патроны кончатся, скоро или нам конец, или уходим! Так что поспешите!

Перекатом ухожу из-под защиты бордюра, рыбкой бросаюсь в проем двери. Позади грохочут очереди, сыплется на голову штукатурка, кусочки облицовочного камня, осколки оставшихся в дверных рамах стекла. Но я уже внутри рынка. Угол прицела не позволяет достать меня, низко пригнувшегося к полу. Пули свистят поверх головы, сердито жужжат, рикошетируя от каменных стен.

– Ну, что? – спрашивает Семичастный, уже собранный и хмурый, как обычно. Видимо отошел от потрясения.

– Перекрыто! Обложили! – докладываю я и команду – Идем к противоположному выходу! Там стоит ваш лимузин. Наши из «Омеги» пока что держатся, но патронов мало. Как только кончатся – тут или нам хана, или им.

– Кто стреляет? – вмешивается Шелепин, успокаивающе похлопывая Никсона по плечу (видать они только что о чем-то пытались поговорить). Никсон взволнован (еще бы!)

– Похоже что гэбэшники – пожимаю я плечами, и тут же обращаюсь к Никсону, непонимающе и сердито-растерянно следящего за нашими переговорами:

– Господин президент! У нас заговор! Переворот! Похоже, что работники Кей-Джи-Би вышли из подчинения нашего Председателя, и сейчас пытаются убить и его, и генерального секретаря, и вас.

– Меня-то за что? – искренне удивляется Никсон – Я ведь

пришел с миром! Я подписал мирный договор! За что?!

– Вот за это и убьют... если мы сейчас не побежим быстро-быстро воон... туда (я указал на противоположный конец зала). Двигаемся! Скорее!

И мы побежали. Впереди – Высшие чиновники СССР, чуть позади – высший чиновник США со своей женой, замыкающими – мы с Ольгой. Подруга ничего не спрашивала, никуда не лезла – она только слушала и выполняла то, что я ей говорю. Идеальная жена! Нет, я все-таки на ней женюсь!

Командую, чтобы у дверей остановились, выскакиваю вперед, через двери. С этой стороны народа почти нет, и правда – стоит правительственная машина – ЗИЛ-114, на котором и приехал Шелепин. Водитель машет рукой, подзывая к транспорту – вышел, стоит перед машиной, возле входа-выхода. Здесь выход можно сказать технический – входы в склады под рынок, какие-то «бендешки» у стен рынка, закутки, запах помоев и сортира – «заведение» как раз тут, на выходе. Дальше КПП со шлагбаумом (сейчас поднят), ну и выезд на улицу. За КПП маячат милиционеры, которые вряд ли имеют отношение к заговору (КГБ и МВД – вечная, нескончаемая вражда, и никто не будет посвящать в тайну заговора «ментов», которых в КГБ считают продажными и вероломными. В общем – все тихо и пока что спокойно. Бой идет у главного входа, и нам нужно поторопиться, пока огонь не переместился и сюда.

Возвращаюсь, машу рукой своим. Появляются из дверей,

оглядываясь по сторонам. Первой по моему примеру идет Ольга, потом Шелепин с Семичастным, следом за ними – Никсоны. Ричард придерживает под руку свою жену – та бледна, но губы сжаты в полоску и никаких следов растерянности или страха. Железная баба!

Шагаю к машине, оглядываюсь, поджидая группу. Ольга проходит мимо меня, я собираюсь сказать, чтобы шагали веселее, поторапливались, и тут... крик! И сразу выстрел! Оборачиваюсь, мгновенно вырывая из ножен боевой нож, и вижу, как Ольга держит за руку водителя лимузина! А в руке водителя пистолет Стечкина, и направлен он сейчас чуть выше моей головы – настолько, насколько хватило Ольге сил его поднять!

Не успеваю. Слишком поздно. Водитель сбивает Ольгу ударом кулака и мгновенно стреляет ей в грудь. Нож уже в воздухе и вонзается в шею предателя в тот момент, когда пистолет уже нацелен на меня. Водила верно определил – я главная опасность, меня надо убирать в первую очередь. Ну а потом легко, как куропаток в загоне перестрелять всю остальную толпу. Ольга тоже помеха – как кусачая собака, так что ее пристрелить сходу, чтобы не тьякала.

Двигаясь как можно быстрее, прыгаю к умирающему, но еще не знающему что он умер водителю и выбиваю у него из руки «Стечкин». Затем хватаюсь за рукоять ножа, торчащую из шеи мужчины, и одним движением рассекаю ему гортань до самого позвоночника. В этом не было никакой необходи-

мости, но я в ярости и ярость эта ищет выхода. Успеваю еще обтереть нож о шатающееся тело негодяя и сунув клинок в ножны наклоняюсь к Ольге, белая блузка которой спереди уже пропиталась жидкостью густого вишневого цвета.

Ольга еще жива, но я вижу, что осталось ей недолго. Чувствую это. Я давно уже чувствую приближение смерти к тем, кто рядом со мной, кто получил тяжелое ранение. Привычка такая... или жизненные наблюдения? Ты видишь, как на чело умирающего спускается тень, как оно бледнеет, синееет, как утекают последние капли жизни, и понимаешь – все, конец.

На губах моей боевой подруги вздуваются розовые пузыри. Она пытается поднять руку, хочет что-то сказать мне, и я наклоняюсь, чтобы услышать.

– Сына... моего... не бросай... Помоги... – хрипит она, и тело ее расслабляется, глаза останавливаются, глядя в небеса. Все, конец.

Внутри холодно и пусто. Даже не больно – просто пусто. Вот было нечто внутри у меня – и теперь нет. Давно я не терял друзей. Уже и забыл, как это бывает. Самых близких, самых верных друзей, без которых и жизнь не жизнь. Отвык, расслабился. Считал, что ушел с войны. А она вот – догнала меня. И ударила в самое больное место.

– Все в машину! – хриплю я, поднимаю Ольгу и шагаю к лимузину. Прижимая Ольгу к себе одной рукой, второй открываю крышку багажника и осторожно опускаю тело по-

други на пол. Так же осторожно, будто крышку гроба прижимаю крышку багажника. Щелкает замок... все. Я не оставляю тело моей подруги валяться на земле, как сбитую автомобилем бродячую собаку. Умру, но не оставлю!

С трупa водителя сдергиваю кобуру скрытого ношения с запасными магазинами, цепляю на себя, в кобуру – «Стечкин». Группа уже в машине – Семичастный впереди, на пассажирском сиденье, остальные назад. Хорошо. Никто не забрался на водительское сиденье. Не хватало, чтобы я терял время вытаскивая Семичастного или Шелепина из-за руля. Скорее всего они поняли, что их уровень квалификации как водителей очень далеко позади моего. А может привычка такая – кто-то их возит, а они только соглашаются, чтобы их возили. Или приказывают себя отвезти. Скорее всего – последнее.

Усевшись за руль, осмотрел «рабочее место», и не нашел ничего такого, что могло бы меня удивить или притормозить – это тебе не машины двухтысячных, наштигованные приборами и «приблудами» так, что половину из них никогда не используешь. По себе знаю. Была у меня новая машина, в которой имелся даже автопарковщик. Включаешь, и машина сама притирается к бордюру, вращая рулем и работая газом. Вот только в автосалоне хороший человек сразу меня предупредил: «Не вздумайте пользоваться автопарковщиком! Он не умеет правильно определять расстояние до наклонных поверхностей вроде мусорных бачков – мой

друг так весь бок машине ободрал» Вот я и не пользовался. Или голосовая связь, когда после нажатия кнопки говоришь машине «навигатор!» – и она меняет список проигрываемых хитов на карту навигатора. Вначале это забавно, ты развлекаешься, время от времени кричишь системе всякую чушь вроде «Жопа!» и тупо хихикаешь, слушая, как женским голосом машина сообщает, что не поняла команды. Потом надоедает и ты забивает на эту приبلуду.

Или подрулевые лепестки, чтобы вместо автомата переключать передачи движением пальцев. Зачем? Это надо спросить у конструктора – зачем он так удорожил автомобиль, поставив в машину эту чушь собачью. Меня спрашивать – зачем я купил машину с такой хренью – не надо. Купил, да и купил.

Здесь ничего такого не было. Три скорости вперед, одна назад. Честный гидравлический механизм коробки. Панель облицована деревянными накладками. На ней минимум приборов – вода, бензин, забавный счетчик километража, похожий на цифры в древнем арифмометре. Руль тонкий, двойной – внутреннее хромированное кольцо – это сигнал. «Бибикалка», как говорят в народе. На панели – маленький, убогий радиоприемник и над ним часы, очень схожие с настенными электрическими. Вот, в общем-то, и все. Аскетизм! Убогость...

Но все это чушь! Нам не рок-музыку слушать, а сваливать отсюда, и как можно быстрее! Тем более что шлагбаум вдруг

опустился, а выезд загородили две ментовские машины. Чего это они удумали такое?! С какой стати перекрыли выезд? Что, решили, неизвестный бродяга убил водителя и захватил высших чиновников государства?! Идиоты... ох, какие идиоты! Но вооруженные идиоты, и надеюсь, бронирования лимузина нам хватит.

Поворачиваю ключ в замке зажигания, машина едва заметно вздрагивает, заводясь – почти незаметно, и это при движке в триста сил! (умели делать, ничего не скажешь!). Ставлю ногу на педаль тормоза и перевожу рычаг в положение «Вперед». Отпускаю тормоз и лимузин тихо, практически бесшумно и очень мягко движется к шлагбауму. Заднее колесо подскочило – совсем немного, как на кочке, и я отрезанно подумал, что наверное переехал через мертвого водителя. Хруста не было слышно – толстые бронестекла и толстые стены салона практически не пропускают звуков. Не слышно и криков ментов, и выстрелов из «макаровых» – только когда по лобовому стеклу замолотили, будто молотками – я понял, что по нам стреляют. Вернее – по мне.

Однако с таким же успехом они могли бы кидать в стекло засохшим дерьмом – эффект был бы примерно тем же. Стекло даже не поцарапали. Всем хорош «макаров», но силенок у него здесь не хватает. Тут бы из АК шарахнуть, да полный магазин выпустить – тогда хоть можно было бы затруднить мне обзор, покрыть лобовуху сетью трещинок и сколов. А без громилы калибра 7.62 – какой, к черту, результат?

Стреляли и по колесам, но попасть в колесо движущейся машины еще та задача, и уж точно непосильная для обычных ментов. Тем более, когда на них движется четырехтонная, почти пятитонная махина. Кроме того, даже если бы и попали – у машины есть автоматическая подкачка, как на военном грузовике ЗИЛ, плюс внутреннее колесо, под покрышкой, и на этом колесе можно ехать со скоростью 160 километров в час достаточно длительное время.

Увы, этот лимузин еще не ЗИЛ-4105. Тот пробить было (Будет! Его еще не сделали!) совершенно невозможно – если нет противотанкового орудия. ЗИЛ-4105 был броневой капсулой, вокруг которой построили автомобиль. Ручная работа! Этот, насколько я помню, усилен бронелистами. Днище – бронеплита, выдерживающая взрыв пары шашек тротила, бока – бронеплиты, бронированный двигательный отсек ну и само собой – бронестекла по кругу. Единственное место, где нет защиты – крыша. Почему там не сделали защиту – я не знаю.

Но выбора все равно нет. Вот машина, вот опасность, и нужно ее избежать. И я жму на газ!

Менты отпрыгивают как тараканы от тапка, а их патрульные москвичи разлетаются в стороны, будто от пинка эпического великана. Бах! И вот уже дорога свободна. А мы даже почти не пострадали – так, слегка хром поцарапался на углах. Фар не вижу – может и разбились, только нам на них пофиг, солнечный ясный день, какие сейчас фары?

Ну, теперь за город! С визгом покрывок разворачиваюсь, вспоминая лучший маршрут поездки, и снова жму на газ. Хорошо, что бензобак залит «по самое не хочу», все сто двадцать литров, так что горючки нам вполне хватит – даже с расчетом на то, что это мастодонт жрет драгоценный 95-й бензин даже не в три горла, а во все триста его лошадиных глоток. Попробуй-ка, разгони эдакую-то махину, если хорошенько не лопать горючее!

А «машина» все разгонялась – легко так, мягко, как самый настоящий лимузин. Как мой кадиллак с открытым верхом, на котором мы с Ольгой только недавно ехали по Крыму.

Ох, черт... нельзя, нельзя вспоминать о том, что сейчас в багажнике этого черного, похожего на катафалк автомобиля перекачивается и вздрагивает тело моей подруги, можно сказать невесты. Дух перехватывает, сердце стучит как молот, и хочется бежать и кого-то убивать. Кого – не знаю, но убить! Убить всех, кто сотворил такое! Убить проклятых ортодоксов только за то, что они отняли у меня мою Ольгу!

Узнаю, кто все это организовал – ни одного в живых не оставлю. Что бы там ни говорили Шелепин с Семичастным – наплевать! Никакого прощения! Всех убью, гады!

У меня вдруг сделалось мокрым лицо, я пощупал, посмотрел на пальцы – ожидал увидеть кровь. Но нет – я просто плакал. Уж и забыл – как это, пускать горячую слезу из глаз. Отвык, расслабился, рассуโรปился!

Все, хватит. Сосредоточиться и делать дело! Вот только

понять бы еще – какое дело. Отвезти Никсонов в аэропорт, к их самолету, а потом куда? На Дачу, куда же еще. Знал я, для чего ее строю. Кстати – и Шелепин с Семичастным знали, что на самом деле из себя представляет эта самая Дача. Нет, она не база оперативников. Вернее – не совсем база. Это командный пункт последнего шанса, когда на самом деле возникнет ситуация вроде сегодняшней. Уверен, въезд в Кремль уже перекрыт и нас там ждут, и ждут не для того, чтобы осведомиться о нашем здоровье.

Только подумал, и тут же слышу голос Семичастного:

– Миша, на Дачу! Гони на Дачу! Мне сообщили – дорога к аэропорту перекрыта. Танки!

Ай, мать моя женщина! Да что же это делается?! Вот это реально плохо! Да как же они проморгали, черт подери?! Такие умные, такие дельные?! Сумели провернуть заговор против Брежнева, а сами как мальчишки попались в ловушку!

Ладно, хватит причитать. Успею еще попричитать! И в морду дать. Обоим! Из-за них Оля погибла! Вот же твари! Твари! Как вы могли ТАК проколоться?! Как ПОСМЕЛИ так проколоться?! Я дал вам все, что нужно, и больше того! Я дал вам самое ценное, что есть на Земле – ЗНАНИЯ! А вы все просрали?! Уроды! Ублюдки!

Глаза жгло, они слезились – то ли обожженные взрывом и тротиловыми газами, то ли от горечи утраты и разочарования. И что делать?! Что делать-то?! Ну, продержимся мы какое-то время на Даче, а дальше что? Подтянут войска, тан-

ковыми пушками разнесут ворота, потом саму дачу, и...все! Совсем все! И ради чего я старался?! Ради чего погибла Ольга?!

Уходить. Надо уходить. Бросать всех и уходить за границу. Я нормально инфильтруюсь, меня хрен кто возьмет. Тем более что знаю расположение всех тайников. А в них – оружие, драгоценности, одежда – все, что нужно диверсанту. Драгоценности дешевые – чтобы можно было легко и без проблем сбыть, но много. Хватит на все! И валюта имеется. Эти тайники закладывались еще при Лаврентии. В будущее смотрели люди! Мало ли как оно сложится... И я тайников добавил – так, на всякий случай. Вдруг придется срочно бежать...

Так. Уходить. А куда? В Штаты? После того, как допустил гибель Никсона и его жены? Меня просто затаскают. А потом еще и засудят. За что? А они найдут за что засудить. Хотя бы за то, что помогал Никсону выжить. Как только Ричарда не станет – власть захватят демократы, это без всякого сомнения. И будет повод для войны. Если не ядерной, то...

Впрочем – а войны-то скорее всего и не будет. Вот бьюсь об заклад, что вся эта бодяга сделана совместно с американцами. Я еще сегодня обратил внимание на то, что рядом с Никсоном нет начальника его охраны – я того вычислил сразу, по прибытии президента. Небольшой такой, сухощавый человек, похожий на какого-то киноартиста – даже не могу вспомнить сразу – на какого. Но не суть важно. Сегодня его

не было рядом с Никсоном во время взрыва. А что это значит? Это значит, одно из двух: случайность, или заговор. И я почему-то не верю в случайность.

Думаю все это, а сам весь настороже – смотрю в зеркала, смотрю за дорожной обстановкой. На светофоры не гляжу – пролетаю сходу, в последний раз едва не чиркнул о бампер троллейбуса, проскакивая на красный свет. Мигалки здесь нет, такие машины не ездят с мигалками – их сопровождают машины с мигалками. Так что предупредить сиреной и огнями добросовестных водителей я не могу. Все, что мне остается – жать на газ, смотреть за дорогой и надеяться на удачу. Ладно там легковушки – почти пятитонная машина отбросит их, как кегли, а вот если грузовик? Например, груженный кирпичом? Или панелевоз с бетонными блоками? Тут нам тогда и конец придет.

Но пока бог миловал. Несусь, выжимая из мастодонта сто пятьдесят километров в час. Для моего времени – обычная, можно даже сказать незаметная скорость. Здесь – запредельная. Но зато нас не сумеют перехватить. У ментов в этом времени максимум «копейки»-жигули, и то – под вопросом. Они новенькие, их только в министерство. Ментам – москвичи. А москвичи особо не разгонишь.

Вот только и кроме москвичей есть машины... волги, например. С автоматической коробкой передач и двухсотсильным движком. Оперативные машины, которые делают сто девяносто в час – и поболее. Вот они, три штуки, нагоняют. Я

быстрее идти не могу, опасаясь – похоже что колесо нам все-таки прострелили. Вдруг на скорости начнет разрушаться – тогда никаких шансов. Максимум сто пятьдесят – и пусть весь мир подождет.

Две зашли с боков, одна сзади, но не близко. Понимает, что если я резко тормозну, то шансов у него не будет никаких. Я-то устою на дороге, эту машину практически невозможно перевернуть – снизу бронеплита-противовес, а вот он на своих рессорах точно полетит кувырком.

В Саратове некогда погиб местный церковный патриарх. Молодой парнишка, 19 лет, был его водителем. Вез батюшку по церковным делам, и ехал довольно-таки быстро. Дороги же саратовские – ад и пламень. Тогда были – ад и пламень, в двухтысячных их отремонтировали. Ну, так вот – вылетела «волга» с патриархом на так называемую «стиральную доску», то есть поперечные мелкие «лежачие полицейские», и тут же зад машины нормально понесло поперек дороги. Есть у «волги» такая милая особенность, о которой знают те, кто хоть немного поездил на этом, некогда престижном аппарате. Устойчивость «волги» – ниже плинтуса. Она и в поворот входит как яхта, с гигантским креном – того и гляди перевернешься. Да, патриарх погиб. Вырезали потом из машины. Вернее – из груды металла, в которую превратилась машина. Это была середина девяностых годов, а рассказал мне историю один знакомый мент.

Почему я это вспомнил? А потом, что догнать эти «вол-

ги» нас могут, а вот взять... это под большущим таким вопросом! Столкнуть меня с дороги? Пятитонную махину полуторатонной шавкой? Извиняйте! Обознались вы! Не на ту жертву напали!

Делаю рулем резко вправо. Мой «танк» бьет волгу в водительскую дверцу. Скрежет металла, вой сирены (они с сиренами едут!), и «волга» с разгона втыкается в бетонный фонарный столб. Из-под капота идет пар, а может дым. Один готов! Машина слева сразу же принимает крайнее левое положение, подальше от слегка поцарапанной морды нашего лимузина-танка. В репродуктор кто-то кричит, слов не разберу – что-то вроде: «Стафайтесь, руссише партизанен! Вам будет много еда, белый хлеб и девушка!» Ага, будет. Кирдык нам будет! Если они нас остановят. Но не остановят! Если я сам не остановлюсь...

Бью по тормозам. В салоне лимузина крики, ругань по-русски и отчаянный мужской баритон: «Год дэмед!». А вот пристегиваться надо, олухи царя небесного! Как на прогулку выехали! Там ведь есть ремни! Кто мешал пристегнуться? Терпите теперь!

Задняя «волга» к моей досаде успела все-таки затормозить, и удар получился не слишком сильным. Так... фары им разбил, решетку радиатора сломал, возможно что и еще что-то повредил, но пока что этого не видно. Главное – она встала. Снова даю газу, и получается так, что из преследователя превращаюсь в охотника. «Волга», что шла слева, шарахну-

лась, боясь тарана, и понеслась вперед, справедливо решив, что наблюдать за происходящим лучше с безопасного расстояния. И я дал по газам.

Смешно, но мой мастодонт набирал скорость быстрее, чем эта самая «волга». Может это обычная «волга», только с форсированным движком? Тогда куда ей до нашего трехсотильного агрегата! В общем – догнал я бывших преследователей, а теперь «дичь», и упершись бампером мастодонта в бампер «волги» дал вырваться всей мощи моего железного буйвола. «Волга» так и не смогла оторваться. Я впечатал ее в столб на повороте так, что она обняла бетонный цилиндр до самой середины капота.

Осталась одна машина преследователей – если осталась, конечно. Я боялся, что при таране мы что-то повредили в нашем движке, но опасался зазря. Да, крылья слегка помяты, да решетка радиатора скорее всего разбита и фары, капот примят – но это все ерунда! Радиатор цел, движок работает как часы – лети, телега, спасай нас! И машина летела.

***

Движок работал как часы, урчал, исправно всасывая в себя чудовищные порции горючки. Пока доехали до места – полбака как не бывало. Между прочим девяносто пятого бензина, заправить который можно только на правительственной заправке! На обычных – только 72 и 76-й. Кадил-

лак заправлял, так у того такая была детонация – чуть не минут пять после того, как повернул ключ, отключая зажигание, движок еще брякает и вздрагивает как от боли. Да и мощность теряется, хотя по-моему кадди это не было заметно – слишком могуч.

Насчет лимузина я не беспокоился – наплевать, сколько он жрет и где его заправлять. Мне только доехать, а там хоть в овраг его толкай. НАМ только доехать. И доедем.

Слушаю разговоры в салоне у себя за спиной. Шелепин и Никсон пытаются изъясняться на смеси английского с нижегородским. Английский у бывшего Председателя КГБ хреноватый, как и у нынешнего Председателя КГБ, но кое-как растолковали, что ехать в аэропорт опасно, что сейчас мы едем на дачу к товарищу Карпову, известному писателю, где и заляжем на матрасы до лучших времен. С дачи мы свяжемся с компетентными людьми, которые все исправят и сделают всем хорошо. Утрирую, конечно, но разговор на ломаном английском получился именно таким. Никсон вроде как успокоился, узнав, что возможность связаться с миром на моей даче имеется.

Преследователей я больше не видел. Возможно, они держались где-то далеко позади, а может и вовсе отстали. Поживем, как говорится, увидим. Если поживем.

Впрочем – я не верю, что Провидение собирает меня убить. Похоже, что как раз в этот момент моя помощь этому миру особенно необходима. Ну... мне так кажется!

Долетели быстро – здесь пробок нет, дороги свободны, на светофоры я забил (Три раза – кроме того троллейбуса – поцарапал машины. Ну... простите, люди! Крайняя необходимость!).

По улицам поселка еду медленно, стараясь не привлекать к себе внимание. Впрочем – как тут не привлечь? Люди из-за заборов только на нас и таращатся! Ну представить себе – здоровенная, как грузовик хренотень, с битым передом, исцарапанная, с пулевыми пробоинами – и тихо крадется по улице. Заинтересуешься, пожалуй!

Подъехали к воротам, остановились. У Дачи никакого движения, все как вымерло. Никсоны с любопытством оглядываются по сторонам, смотрят в окна.

– Майкл, это твое поместье? – спрашивает Ричард, нос которого подозрительно опух (Не пренебрегайте безопасностью! Пристегивайтесь в автомобиле!)

– Мое – коротко отвечаю я, и командую – Все сидим в машине. Я должен показаться, иначе нас не впустят. Не выходить!

Открываю заблокированную дверь, тяжелую, как дверь сейфа и такую же толстую, выхожу из машины. Стою секунды три, затем машу рукой, указывая на ворота и снова сажусь за руль. Движок не глушу. Секунд десять ничего не происходит, потом ворота начинают медленно и плавно отъезжать. Дожидаюсь, когда откроется достаточно для проезда и трогаю лимузин с места. Только лишь «корма» машины

пересекает линию ворот – они начинают закрываться, и через несколько секунд за нами уже сплошная металлическая плита, которую и танковая пушка не с первого раза пробьет. Кстати сказать – в заборе точно такие же металлические плиты, так что даже танкам придется потрудиться, чтобы сделать проход в заборе.

Машина прошуршала по плитам, покрывающим площадку перед домом и остановилась, качнувшись на мягкой подвеске. Все, приехали. По крайней мере в ближайшее время нам тут ничего не грозит. А там и посмотрим.

Тут же, как из земли выросли, возле машины появились три знакомые фигуры – Акела, Балу и Хан. Все трое в камуфляже, на поясах пистолеты, на груди автоматы. Уже знают?

Выхожу, чувствуя каждую косточку в избитом теле. Досталось мне – контузия, точно, плюс осколки камня и стекла, плюс пули. Ну и нервная перегрузка. Хреновато мне, и физически, и морально.

– Ты как? – спокойно, серьезно спрашивает Аносов – Ольга где?

– В багажнике... – отвечаю я мертвым, холодным голосом.

Аносов хотел что-то сказать, наверное спросить – как это так, в багажнике? – но осекся, глядя мне в лицо. Понял. Медленно кивнул. Ничего не сказал.

Когда открылась дверь лимузина и из него полезли люди, лицо Акелы слегка вытянулось, а глаза расширились.

– Это... это... те, на кого я думаю? – растерянно спросил

он.

– Это президент США и Первая леди – так же безжизненно-устало ответил я – И Генеральный секретарь КПСС с Председателем КГБ. Иди, доложись. И объяви тревогу первого уровня. Доставайте оружие, устанавливайте, готовьтесь к осаде.

– Думаешь, будет? – взбросил на меня взгляд Аносов.

– Не думаю, знаю. Времени нет, парни, занимайтесь обороной. Акела пойдет представляться, вы на оборону.

– Миш... сочувствую – прогудел Балу и неловко похлопал меня по плечу.

– Мои соболезнования – скривился Хан и закусил губу – Мы ее все любили...

– Хватит – отрезал я – Организуйте оборону. Коменданта дома сюда – пусть поможет перенести тело. Я ее в погреб хочу положить. Когда все закончится, похороню как следует, и где следует. Пока что не до того. Скоро будут «гости».

Я стоял и равнодушно смотрел, как вип-гостей провожают в дом, а когда они исчезли за дверями, ко мне подошел комендант и двое парней из охраны. Один держал в руках медицинские носилки. Я ответил на приветствия, и подойдя к багажнику автомобилю открыл крышку.

Ольга лежала свернувшись клубочком, в позе зародыша, в луже крови, натекающей изо рта и раны на груди. Ее красивые волосы, которые мне так нравились, слиплись в отвратительные космы, полуоткрытые глаза смотрели удивленно

и грустно. Тело бросало по багажнику во время нашей сумасшедшей поездки, и это очень дурно сказалось на внешнем виде. В таком виде класть в подвал нельзя.

– Отнесите ее в душевую – попросил я – И принесите какой-нибудь одежды. Еще – мыла и губку.

Я отстранил охранника, который примерялся вытаскивать тело из багажника, легко, как перышко поднял Ольгу на руки и бережно опустил на приготовленные носилки. Она была еще теплой, совсем как живая. Когда опускал – будто выдохнула, и на губах вздулись розовые пузыри.

Не выдержал. Все равно потрогал сонную артерию, пытаюсь уловить биение жизни. Глупо, конечно, фантазии... но я ведь и сам фантазия! Почему и тут не случится чуду?

Не случилось.

Охранники подняли носилки и понесли в сторону курсантских душевых. В дом я нести не хотел. Там Никсоны, там Шелепин с Семичастным... пошли они все к черту! Не хочу никого видеть!

Носилки занесли в душевую, и я попросил парней выйти вон. Медленно, осторожно, будто боялся сделать больно, раздел мою мертвую подругу. Открыл теплую воду, и... в дверь душевой постучали. Наверное, принесли мыло и одежду.

Да, это был комендант. Я взял сверток и закрыл за ним дверь, попросил охранников немного подождать. Взял брусок банного мыла, губку, отнес туда, где шумела вода. Под-

нял тело Оли и отнес под струи воды.

Не помню, сколько времени я ее мыл. Пять минут? Полчасика? Я аккуратно стирал с нее кровь, мыл голову, нашептывая что-то ласковое, как мать, которая моет ребенка. Оля будто спала глубоким сном, казалось, она сейчас откроет глаза и засмеется, скажет что-нибудь озорное, мы обнимемся, и... будем стоять под струями воды, целуясь и прижимаясь мокрыми горячими телами.

Нет. Больше она не встанет и не поцелует.

И еще я понял – наверное, я все-таки ее любил. Просто не хотел себе в этом признаться. Боялся полюбить – слишком много у меня в последние годы было осечек на любовном фронте. Вот я и запретил себе любить.

Закончив, вытер тело большим вафельным полотенцем, и стал одевать подругу в ту одежду, что принес комендант. А принес он камуфляж – ее камуфляж. Для нее сшитый. И то, что это камуфляж – было правильно. Она умерла как солдат, в бою! Так что военная форма для нее – это правильно.

В пакете, оказывается, была и еще смена одежды – для меня. Умный комендант. Хотя большого ума тут и не требуется – стоило только посмотреть на то, во что я одет. Рубашка в клочья, штаны разодраны и в пыли, только туфли сохранили форму и не порвались – лишь перепачкались в крови и штукатурке.

Разделся, сняв мокрые лохмотья одежды (я прямо в одежде мыл тело Ольги), вымылся, вытерся вторым вафельным

полотенцем, оделся. Ботинки просто протер клочками рубашки – сойдет, удобные мягкие полуботинки, в берцах еще успею набегаться, пока буду в этих ходить.

Олю обувать не стал – только надел носки. Потом поднял ее на руки как ребенка, и пошел наружу. Никому не доверю, сам отнесу – решил для себя. И отнес.

Мы шли подземными переходами и оказались в подвале дома минут через пятнадцать. Здесь всегда царит холод, так что Оля без проблем полежит до своего успокоения. Не хочу я ее здесь хоронить! И вообще я должен обдумать – где ее хоронить. А сейчас думать не могу. Об *этом* думать не могу. Вначале – война, потом все остальное.

Положили на носилки за стеллажами с вином. Накрыли плотным брезентом. Все. Вернусь сюда, когда все закончится. Когда эта мерзость закончится. А если меня убьют и не смогу вернуться... попрошу мою группу, вернее – группу Аносова. Они похоронят нас вместе.

Черт! Да что у меня за мысли такие упаднические?! Я должен выжить во что бы то ни стало! Выжить, наказать тех, кто виноват, и дальше идти, вперед! Хватит упадничества! Сцепить зубы и выполнять то, что должен!

***

Поднявшись наверх, я обнаружил в столовой всю честную компанию – за столом сидели президент Никсон, его жена,

Шелепин и Семичастный. На столе – парила фарфоровая чашка с красным борщом, на тарелках бутерброды (в том числе и с икрой), и несколько бутылок вина разной конфигурации. Никсон с видимым удовольствием хлебал из фарфоровой же тарелки остро пахнущую перцем красную жидкость, Патриция вяло ковырялась в чашке, возле нее стоял бокал с белым вином на доньшке. Похоже, что хорошенько приложилась. Оно и понятно – стресс.

Ухаживали за всеми две женщины средних лет в белоснежных передниках и чепчиках вроде русских кокошников. Идиллия, мать их за ногу! Я там свою мертвую невесту таскаю, а они вместо того, чтобы заниматься раздуливанием ситуации – сидят и жрут! Ууу... твари! Так бы и врезал гадам!

– Михаил, вот только не надо делать такую зверскую рожу – невозмутимо заметил Семичастный – нужные указания мы уже отдали, процесс запущен. Все будет в порядке.

Я посмотрел ему в глаза, потом оглянулся на Никсонов, прислушивающихся к нашему разговору, и не стал ничего отвечать. Только перевел:

– Он говорит, что все будет в порядке, процесс подавления бунта запущен. Беспokoиться нечего.

– Слава богу! – вздохнула Пэт, и тут же добавила, поморгав ресницами – Майкл... мне очень, очень жаль! (она всхлипнула) Мне так ее жаль! Мы с ней за это время так подружились! Я хотела пригласить ее к себе в Белый Дом, когда вернемся домой! С ней так легко общаться! Было...

– Мы с ней хотели вскорости пожениться – не думая, опустошенно бросил я, и Пэт снова охнула:

– Ох! Какая трагедия! О господи! Ну вот за что ей такое?! Такая красивая, такая молодая!

– Мне жаль, Майкл! Мои соболезнования! – мягко добавил Ричард – Я знаю, что тебя это не утешит, но она будет награждена за спасение жизни Президента США. И ее сыну будет назначено пособие от правительства США! Он ни в чем не будет нуждаться.

– Он и так ни в чем не будет нуждаться – вздохнул я, откидываясь на спинку стула – Я ведь миллиардер, и я его не брошу. Но все равно спасибо. Он спасла всех нас. Этот негодяй перестрелял бы нас всех, как фазанов, если бы не она.

– Обязательно ее награжу! – снова, с чувством повторил Никсон – сыну будет приятно.

– И льготы – заметила практичная Пэт – Сыну женщины, награжденной высшей наградой Президента положены льготы.

– Спасибо – кивнул я, и посмотрев на якобы не обращавших внимания на наш разговор двух мужчин, перевел содержание беседы. Шелепин и Семичастный закивали, и Генеральный ответил:

– Героя Советского Союза ей! Непременно! Как только все устаканится.

– Как только устаканится – мрачно повторил Семичастный, и глянул на меня – Ты голодный? Нам надо кое-что

обсудить. Оставим товарища Шелепина и гостей, пойдем в твой кабинет, поговорим.

– Пойдемте – так же мрачно ответил я – Поговорим!

Больше всего мне хотелось съездить ему по роже. Вот прямо здесь! Если Шелепин еще имел право ошибиться, упустить заговор из виду – у него столько дел, столько политики, что ни на какие заговоры его не хватит – то уж Семичастный обязан был все предусмотреть! Держать руку на пульсе! А теперь по его вине все рухнуло!

Мы прошли в мой кабинет – я впереди, Шелепин за мной. Я открыл дверь, дождался, когда он войдет, и...

– Ну, бей! – спокойно сказал Семичастный – бей, чего ты! Легче станет! Твою девчонку вернешь, ага! Бей! Чего замахнулся, а не бьешь?! Надо всегда доводить дело до конца. А если не можешь – так не надо и начинать.

Он помолчал, опустив голову и глядя в пол, потом с видимым усилием глухо сказал:

– Мне правда жаль. Хочешь верь, хочешь не верь – так не было запланировано.

– Что?! Запланировано?

Вихрь мыслей проскочил у меня в голове. Там будто что-то лопнуло – бах! И все стало на свои места. И только одна мысль билась и не давала покою, одно прочитанное давным-давно название рассказа-триллера: «Искусство ниндзя – совершенство!»

А суть там была вот в чем: три главаря японской мафии

решали, кто из них предатель. Один из них троих, оставшихся в живых, это тот, кто нанял ниндзя, убивших других руководителей мафии. Остались только они трое. Значит, предатель среди них. Они сидели в беседке, смотрели друг на друга с недоверием и ненавистью – кто?! Кто предатель?

И тут – свистнула стрела, вылетевшая из духовой трубки и ухо одного из боссов мафии окрасилось кровью. Все трое вскочили, спрятались, тот, кого чуть не убил промахнувшийся ниндзя был в шоке, но... благодаря промаху главному герою, от имени которого ведется рассказ, стало ясно – кто предатель.

Главный герой сразу скрылся, чтобы обдумать, как искоренить того, второго, не раненого, предателя, а когда он сидел дома и предавался раздумьям, с ним была его жена – красавица, и очень, очень умная женщина. Он не раз пользовался ее советами, и всегда они попадали в цель. И в этот раз он рассказал о ситуации. Жена выслушала его, и сказала одну только фразу: «Искусство ниндзя – совершенство!». Он вначале не понял, потом не хотел поверить в такое, но чем больше думал, чем больше вспоминал, тем больше все ложилось на правильные места. Ниндзя не может промахнуться! Никогда и ни за что! Его искусство настолько совершенно, что промах исключен! А значит – он и целил в ухо боссу мафии. А если он целил только в ухо – зачем? Затем, чтобы ввести в заблуждение и отвести от того подозрения!

И так был вычислен настоящий предатель и представлен

на суд главного мафиозо, или как он там у них называется.

Так вот: КГБ это не детская песочница, а Семичастный – не лох педальный. Думать, что он пропустил заговор в высшем руководстве страны – просто глупо. А что это значит? Значит, что он нарочно дал развиваться заговору!

– Гады вы – бесцветным голосом сказал я, отходя к дивану и бессильно опускаясь на плюшевое сиденье – из-за вас Ольга погибла! На кой черт вы приказали мне тащить ее с собой, если знали, что вот-вот полыхнет! Вы подвергли ее опасности!

– Он догадался, как я и предполагал – послышался голос Шелепина, стоявшего на пороге комнаты. Как он так тихо подкрался? Или я слишком взволнован и не услышал. Или расслабился в безопасности? Это плохо. Безопасность иллюзорная. Скоро здесь начнется такое... что и подумать страшно.

– О чем ты догадался, Миша – спросил Семичастный, усаживаясь верхом на стул у стены – спинка перед грудью, руки на спинке – Ну-ка, дай нам твою версию происходящего. Интересно будет услышать.

– Интересно вам услышать?! – сквозь зубы процедил я, сдерживая ярость. Она клокотала, искала выхода. И при этом я понимал, что наезжать на этих двух... в общем – надо держать себя в руках, если хочу выжить. И сделать дело.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.